

МОСКОВСКОЙ
КУРНАЛЪ.

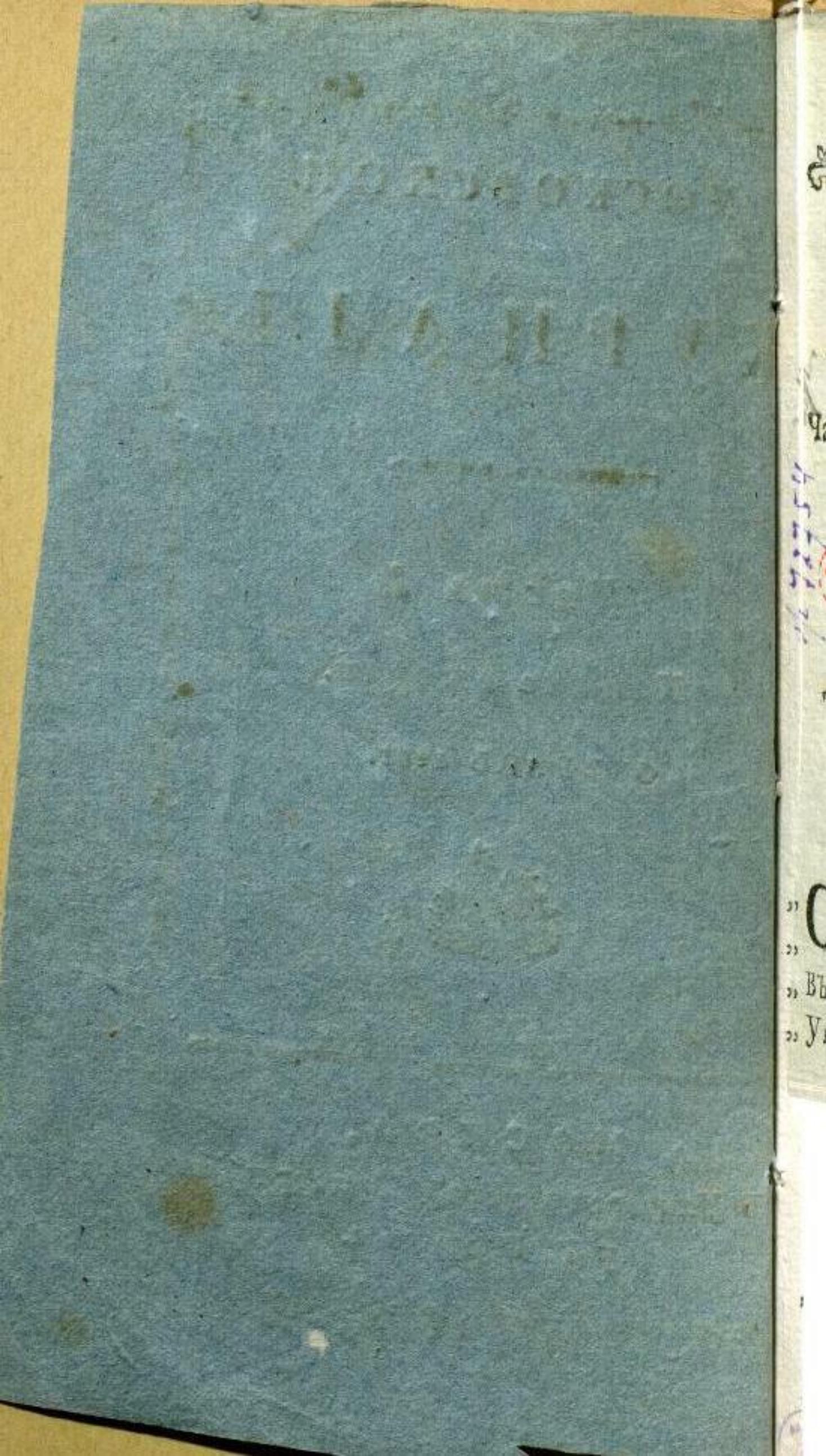
Часть I.

Книжка впорая.

ФЕВРАЛЬ 1791.

МОСКА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть первая. Книжка впорая.

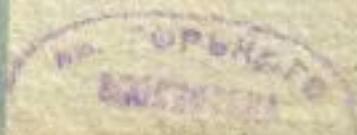
Мѣсяцъ Февраль.

НОВЫЙ ГОДЪ,
ПѢСНЬ
дому любящему науки
и
художества.

Хоръ.

„ Сойди, сойди, любезная Эраты,
„ Съ горы зеленої, двухолмистой,
„ Въ одежѣ бѣлой, серебристой,
„ Украшенна вѣнцемъ и поясомъ изъ
злата;
„ Съ шкою арфой сладкогласной
„ Сойди, упѣхъ соборъ!
„ Брось съ нѣжнострастной
„ Улыбкой намъ твой взоръ,
„ И дарствуй вѣчно въ домъ семъ!
I ,,, На

реч. 3394

,, На берегахъ Невы прекрасныхъ
,, Любителю наукъ изящныхъ
,, Мы пѣснь съ тобою воспомѣмъ.

Арія.

,, Небеса внемлише
,, Чистый сердца жаръ ,
,, И съ высотъ пошлише
,, Пѣсенъ сладкій даръ !

,, О мольба прилѣжна,
,, Какъ роса взпесись !
,, Къ намъ ты, Муза нѣжна,
,, Какъ зефиръ спуспись ! ,,

* * *

Какъ легкая серпа
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ
Перебѣгаешь ;

Какъ бѣлой голубокъ она
То внизъ, то вверхъ подъ облачкомъ
Перелетаетъ.

Съ небесныхъ горъ дорогу голубую
Ко мнѣ въ минуту перешла,
И арфу золотую
Съ собою принесла ;
Рѣзвилась вокругъ меня, ласкалася, смотрѣла ,
И

И будто въперочекъ сѣла
На лонъ у меня.

Тутъ вдругъ веселый видъ на важный
премѣнія,
Небеснымъ жаромъ воспылала,
На арфѣ заиграла.

Ария.

„ Ея бѣлорумяны перспы
„ По звучнымъ бѣгаютъ спрунамъ ;
„ Взоръ черноогненный, огненій,
„ Какъ молния во слѣдъ громамъ
„ Блистаєтъ, жжетъ и поражаетъ
„ Всю внутренность души моей ;
„ Томитъ, мертвимъ и оживляетъ
„ Меня пріятностью своей.

Хоръ.

„ Боги взоръ свой отвращаютъ
„ Отъ нелюбящаго Музъ ;
„ Фурии ему влагають
„ Въ сердце черство грубый вкусъ,
„ Жажду злаша и сребра.
„ Врагъ онъ общаго добра ;
„ Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
„ Ни сиротскій его стонъ ;
„ Пусть въ бѣдахъ вселенна шонетъ,
„ Былъ бы щасливъ только онъ ,

,, Больше бъ собралъ серебра !

,, Врагъ онъ общаго добра.

,, Напропивъ того взираютъ

,, Боги на любимца Музъ,

,, Сердце нѣжное влагають

,, И изящный ему вкусъ ;

,, Всѣмъ душа его щедра ;

,, Другъ онъ общаго добра ;

,, Отираетъ токи слезны ,

,, Унимаетъ скорбный стонъ ;

,, Сиротамъ оплѣдъ любезный ,

,, Покровитель Музамъ онъ ;

,, Всѣмъ душа его щедра ;

,, Другъ онъ общаго добра . ,

* * *

О день , о день благопріятный !
Раздайте наши голоса !
Курашся крины ароматны ;
Склонились , вижу , небеса ;
И тучи сини , краевлады ,
Блистающи рубиномъ сквозь ,
Какъ испещренный флотъ , богатый ,
Спремяется по эаиру вкось ,
И плавая шуда ,
Сюда ,

Спускаются предъ нами.
На нихъ сидитъ прекрасныхъ Музъ
соборъ;
Вокругъ Геніевъ крылатыхъ хоръ;
За ними въ слѣдъ лепишъ полками,
 Какъ бы весной,
Разнoperистыхъ птичекъ рой,
Вьетъ воздухъ за собой
Кристальною спруей,
И провожаетъ дѣвъ къ намъ горнихъ
лихъ.
Я слышу вдалекъ тамъ рѣзкій труб-
ный зыкъ;
Тамъ бубновъ громъ;
 Тамъ спонъ
 Валпорнъ
Созвучно въ воздухъ ударяется;
Тамъ гласъ свирѣлей
И звонкихъ трелей
Сквозь ихъ изрѣдка пробѣгаешьъ,
Какъ соловьиный свистъ сквозь шумъ
падущихъ водъ.
Отъ звука разныхъ голосовъ,
Вспрѣчающихъ полубоговъ
 На землю сходъ,
По рощамъ Эхо какъ хохочетъ,

По мрачнымъ горнымъ дебрямъ
ропчашъ,
И гулъ глухій въ глуши реветъ.
Межъ шѣмъ, я слышу, сонмъ небесныхъ
дѣвъ поетъ.

Хоръ.

„Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
„Питаютъ, облегчающъ трудъ;
„Художества ихъ украшаютъ,
„И къ вѣчной славѣ ихъ ведутъ,
„Благополучны тѣ народы,
„Кошоры красотамъ Природы
„Искусствомъ могутъ подражать —
„Какъ пчелы медъ съ цветовъ сбирасть!
„Блаженъ топъ мужъ, блаженъ спо-
крапно,
„Кто покровительствуешь имъ!
„Вознаградяшъ его обратно
„Онъ бессмертнъ своимъ.,,

* * *

Наполнилъ грудь восторгъ священ-
ный,
Благоговѣйный обнялъ спрахъ;
Пріятный ужасъ, пошаренный,
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ,
Въ веселье сердце ушопаетъ;

Какъ

Какъ будто бога ощущаешъ
Въ присуствіи теперь со мной.
Я вижу, вижу Аполлона
Въ топъ мигъ, какъ онъ разицъ Тифона
Божественной своей спрѣлой !
Зубчаты молнія сверкаешъ ;
Звѣнишъ въ руکъ спущенный лукъ ;
Ужасная змія зляешъ
И въ мигъ свой испускаешъ духъ ;
Чешуйчатымъ хвостомъ въ пескѣ лишь
изгибаешъ ,
И черна кровь ручьемъ изъ раны ис-
щекаешъ .
Я зрю , и то себѣ поччасъ предста-
вишъ могъ ,
Что такъ нѣвежество сражаетъ свѣ-
ща богъ .

Ария.

„ Полкъ блѣдныхъ тѣней окру-
жаешъ
„ И ужасаешъ духъ того ,
„ Кто кровью руки умываешъ
„ Для властолюбья своего .
„ И черный змій по сердце гложетъ ,
„ Въ комъ зависъ , месть и злость
живеши ;

„ И кто своимъ добромъ живъ
можешъ,
„ Но для боязни мзду берешъ;
„ Порокъ спокоенъ не бываетъ;
„ Нравъ варварскій его мяшетъ;
„ Наукъ, художествъ не ласкаетъ;
„ И свѣща свѣтъ ему не льетъ.
„ Какъ звѣрь онъ ищетъ мѣста
племна,
„ Какъ змѣй онъ ползая шипитъ;
„ Душа, коварствомъ покровенна,
„ Глазами прямо не глядитъ.

Хоръ.

„ Черные мраки,
„ Злые призраки
„ Ужасныхъ спрастей!
„ Бѣгите изъ града,
„ Скройтесь въ дно ада
„ Отъ нашихъ вы дней!
„ Свѣща перуны,
„ Лирныя струны,
„ Минервинъ Эгидъ!
„ Сыпьтесь въ злость стрѣлы!
„ Брань за предѣлы
„ Отъ насъ да бѣжитъ! „

* * *

Какъ прогоняешь солнце нощи мракъ,
Какъ отъ его червлена злата
Румянишься Природы зракъ,
Веселая и рѣзва я Эраты !
Ты ходишь по лугамъ зеленымъ,
Ты рвешь себѣ тогда цвѣты ;
Свободнымъ духомъ, восхищеннымъ,
Поешь и водишь хороводы ты.

Во слѣдъ тебѣ забавъ соборъ,
Пѣвицъ пріятныхъ хоръ,
Наяды пляшутъ и Фауны.
Составь, сосставь прелестно бо-
жество !

И наше днесь ты торжество,
Да сладкогласны твои спруны,
Твою движимы рукой,
Возбудятъ въ праздникъ сей всѣхъ кѣ
пляскъ предъ тобой !

Хоръ.

,, Радостно, весело въ день сей
,, Сбирайтесь вмѣстѣ други ;
,, Забудьте всѣ недосуги,
,, Скачище, пляшище смѣлѣй ;
,, Бейте въ ладоши руками ,

„Щелкайше громко перспами,
„Черны глаза поводиле,
„Станомъ вы всѣмъ говориле;
„Ферпомъ бѣлы руки въ боки,
„Дѣлайше легкіе скоки,
„Чебопъ о чебопъ спущиле,
„Съ наступью смылой свищиле;
„Молвьше спасибо душою
„Дому шому, что снисходилъ
„Лаской, любовью свою,
„Всѣмъ намъ веселье находилъ,
„Игръ кто невинныхъ любителъ.
„Здравъ будь ввѣкъ, Музъ покро-
витель! „

* * *

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

— ۹ ۹ — ۹ ۹ — ۹

— ۹ ۹ —

Нѣжная мать, Природа!
Слава тебѣ!

Снова твой сынъ оживаетъ!
Слава тебѣ!

*

Сумрачны дни мои были.
Каждая ночь

Мед.

и, дленнымъ годомъ казалась
дному мнѣ.

ошелчію облито было
е для меня ;
кука , уныніе , горестъ ,
или въ душѣ .

перная кровь возмущала
очи мои
розными , спрашными снами ,
льской мечтой .

ромное сердце взыхало
Чочью и днемъ .

Гропули машерь Природу
Зздохи мои .

Лерстѣ ея , къ сердцу коснувшись ,
Кровь разжидилъ ;
Взорѣ ея свѣтлый разсѣялъ
Мрачность души .

Все для меня обновилось ;
Всѣмъ веселюсь — :

Солнцемъ, зарею, звѣздами,
Ясной луной.

*

Сонъ мой пріятенъ и кропокъ;
Солнечный лучъ
Снова меня призываетъ
Къ радостямъ дня.

К.

Женева, Дек. 18, 1781

СЧЕТЬ ПОЦѢЛУЕВЪ.

Прелестна Лизанька! на этомъ самой
Подъ пѣнью этихъ липъ, ты слово
Сто поцѣлуюевъ дать; но только спо-
Ахъ Лиза! видно ты вѣкъ спрасилъ
Дай сто, дай тысячу, дай тьму
Для сердца, что къ тебѣ любовью во-
Послушай, Лизанька: которой изъ
боговъ

Въ

раслоchenii былъ скupъ своихъ даровъ?

аговорить не знаѣ предѣловъ,
вопѣ ихъ мѣра!

Счишасть ли Церера
Всѣ класы, коими она
Чело Природы украшаешъ,
Когда ее обогащаешъ?

Флора милая, съ копорой ты сходна,
Скупыми ли, скажи, руками
даешъ на землю душистые цвѣты?
Учпешь ли, сколько ихъ разсѣяно предѣ-
нами? —
ль нѣжнаго возьми въ примѣръ Зефи-
ра ты:

Вовѣкъ онъ росписи не знаетъ
сѣмъ розамъ, кои здѣсь въ кусточ-
кахъ лобызаешъ.
о каплѣ ль падаетъ небесная вода
ля прохлажденїя полей, луговъ отъ
зною?

Не правда ли, что иногда
Юпитеръ льетъ ее рѣкою?
галѣла ль для цвѣтовъ своихъ Авро-
ра слезъ?

Нѣтъ!

Нѣпъ ! міръ свидѣтель въ томъ,
жипели не
И худо и добро , все сыплющ къ н
безъ мѣ

А ты , совмѣстница Венер
Ты , коей сынъ ся поликую далъ вла
Единымъ взглядомъ въ насъ рожд
нѣжнѣйшу спраси

Ты , Лиза , ты теперь — ахъ ! може
ли то спастися ?

Ты хочешь хладной быть , и съ
тотъ симъ счишатъ

Жестокая ! скажи , счишалъ ли я хо
раз

Колико проліялъ слезъ гореспныхъ
глаз

Колико посреди безплодныхъ я желал
Изъ сердца испустилъ и вздоховъ

Сочти всѣ гореспи , мою спѣснявъ

И послѣ ты сама себѣ судьбою буд
Но нѣпъ ! смѣшаемъ все , и радос

Пади , любезная , пади въ мои ты руки

и муки

Позволь, чтобъ я тебя безъ счепа
Цѣловалъ
За столько, сколько слезъ, которыхъ
не считалъ.
И.

ОСЕЛЬ и ЛИРА.

Оセルъ увидѣлъ лиру —
Извѣсно, у осла каковъ умокъ —
Оセルъ сказалъ: на чпо бездѣлка эта
Міру ?
Мнѣ лучше сѣна клокъ.
А лира заигравъ ему проговорила:
Я сдѣлана для Музъ, не для ослова
Рыла.
И. К.

НИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(Продолжение)

Корчма въ милѣ за Тильзитомъ,
⁶ ₁₇ Іюля 1789, 11¹₂ ночи.

Все вокругъ меня спитъ. Я самъ было легъ на постелю; но около часа тщетно ожидавъ сна, рѣшился вспасть, засвѣтить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои.

Я очень радъ, что изъ Мемеля не согласилсяѣхать водою. Мѣста, черезъ которые мы проѣзжали, были весьма пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то живописные зеленые луга, то маленькия рощицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметрїи расположенные, предспавлялись глазамъ нашимъ. Маленькия деревеньки вдали составляли также пріятной видъ. *Qu'il est beau, ce pais-ci!* восклицали мы съ Ишліаномъ.

Вообще, кажется, земля здѣсь еще лучше обработана, нежели въ Кур-

лянѣ

Еяндii , и въ хорошие годы во всей
идѣшней споронѣ хлѣбъ бываешъ очень
дешевъ ; но въ прошедшій годъ уро-
кай былъ такъ худъ , что Правицель-
ству надлежало довольствоватъ на-
родъ хлѣбомъ изъ заведенныхъ мага-
зиновъ . Пять , шесть лѣтъ хлѣбъ ро-
дишся хорошо ; въ седьмой годъ худо ,
и поселянину ъспѣ не чего . Отъ чего
же это происходитъ ? Отъ того ,
что поселянинъ всегда излишно на-
дѣшся на будущее лѣто , не пред-
ставляя себѣ ни засухи , ни града , и
продаетъ все сверхъ необходимаго .
Отсюда , т . е . изъ Тильзипа , отпра-
вляется хлѣбъ водою въ Кенигсбергъ .
Сей весьма изрядно выспроенной го-
родокъ лежитъ среди самыхъ плодо-
носнѣйшихъ долинъ на рѣкѣ Мемелѣ ,
и , кромѣ хлѣба , производитъ еще
значной торгъ лѣсомъ , отправляемы-
мымъ также водою въ Кенигсбергъ .

Насъ остановили у городскихъ
воротъ , гдѣ стояли на караулѣ не
солдаты , а граждане ; для того , что
полки , сопоставляющіе здѣшний гарни-
зонъ ,

зонъ, не возвратились еще со смотру Толстой часовой въ разноцѣпной па рѣ, у котораго подъ брюхомъ моталась маленькая шпаженка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ три шага впередъ и преспрашнѣмъ голосомъ закричалъ мнѣ: *Wer sind Sie? Кто вы?* Будучи занятъ разсматриваніемъ его необыкновенной физіономіи и фигуры, не могъ я тотчасъ отвѣтить ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще спрашнѣйшимъ голосомъ: *Wer seyd ihr?* Год раздо уже неучтивѣ! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилію, и при всякомъ разѣ шапалъ онъ головою, по видимому дивясь чудному Рускому имени. Съ Ипальяндомъ исторія была еще длиннѣе. Напрасно опровергалъ онъ незнаніемъ Нѣмецкаго языка: полстобрюхой часовой непремѣнно хопѣлъ, чтобы онъ отвѣталъ на всѣ его вопросы, вѣроѧтно съ великимъ трудомъ наизусты вышверженныя. Наконецъ я былъ призванъ

званъ на помощь, и насилиу добились мы до того, чтобы насъ пропустили. — Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ проспрѣленную Рускими ядрами.

Въ Прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса, ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаетъ намъ *des oeufs au lait*, или Рускую яишицу, которая съ молошнымъ супомъ и салатомъ со-ставляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ. За то мы съ Италіянцомъ налягаемъ уже на кофе, копорое по сіе время вѣздѣ находили.

Лишь только расположились мы въ корчмѣ, гдѣ теперь ночуемъ, услышали лошадиной топотъ, и черезъ полминуты вошелъ человѣкъ въ темномъ фракѣ, въ пребольшой шляпѣ и съ длиннымъ хлыстомъ, подошелъ къ сполу, посмотрѣлъ на насъ — на Француженку, занимавшуюся вечернимъ шуалетомъ; на Италіянца, разсматривавшаго мою дорожную ландкаршу, и на меня, пившаго чай — скинулъ шляпу, пожелалъ намъ доб-

рато вечера, и оборопясь къ хозяйкѣ, которая лишь только показалась изъ другой горницы, сказалъ:

Здравствуй, Лиза! Какъ поживаешь?

Лиза (сухая женщина лѣтъ въ тридцать). А, Господинъ Порутчикъ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Порутчикъ. Изъ города, Лиза. Баронъ фонъ М* писалъ ко мнѣ, что къ нимъ прѣхали Комедіанты. „Прѣзжай, срашь, прѣзжай! Шалуны повеселятъ насъ за наши гроши! „Ч. меня возьми! Еспѣли бы я зналъ, что за швари эти Комедіанты, не изъ чего бы не поѣхалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуете Комедіи?

Порутчикъ. О! я люблю все, что забавно, и переплапиль въ жизни свою довольно полновѣсныхъ талеровъ за Доктора Фауста съ Гансомъ Вурстомъ (*).

Лиза.

(*) Докторъ Фаустъ, по суевѣрному народному преданію, былъ будто бы великой колдунъ, и по еіе время бывающъ обыкновенно героемъ глупыхъ

Пиза. Гансъ Вурстъ очень смѣшнъ, сказываютъ. — А что играли Комедианты, Господинъ Порушчикъ?

Порушчикъ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалъ, другой кривлялся, третій шаравшилъ глаза, а пушнаго ничего не вышло.

Пиза. Много было въ Комедіи, Господинъ Порушчикъ?

К 3

По-

пыхъ піесъ, играемыхъ въ деревняхъ или въ городахъ на площадныхъ Театрахъ шатающимися Актерами. Въ самомъ же дѣлѣ Иоаннъ Фаустъ жилъ какъ честной гражданинъ во Франк-Фуртѣ на Майнѣ, около средины пятаго - надеясь вѣка; и когда Гуттенбергъ, Майнцской уроженецъ, изобрѣлъ печатаніе книгъ, Фаустъ вмѣстѣ съ нимъ пользовался выгодами сего изобрѣтенія. По смерти Гуттенберговой, Фаустъ взялъ себѣ въ помощники своего писаря, Петра Шоффера, которою искусство книгопечатанія довелъ до такого совершенства, что первыя вышедшия книги привели людей въ изумленіе; и какъ простолюдины того вѣка приписывали дѣйствію сверхъестественныхъ силъ все то, чего они изѣяснить не умѣли, то Фаустъ провозгласиша бывшъ сообщникомъ дьявольскимъ, некоторымъ онъ слышавъ и понимавъ между чернью и въ сказкахъ. — А Гансъ Вурстъ значитъ на площадныхъ Нѣмецкихъ Театрахъ то же, что у Италіанцевъ Арлекинъ.

Поруттикъ. Развѣ мало дураковъ въ Тильзитѣ?

Лиза. Господинъ Бургомистръ съ сожищельницею изволилъ ли бысть шамъ?

Поруттикъ. Развѣ онъ изъ послѣднихъ? Толстобрюхой дуракъ зѣвалъ, а чванная супруга его безпрестанно перла себѣ глаза плашкомъ, какъ будто бы попалъ въ нихъ табакъ, и толкала его подъ бокъ, чтобы онъ не заснулъ и переспалъ пьялить ропѣ.

Лиза. То - то насмѣшникъ!

Поруттикъ (садясь и кладя свою шляпу на столъ подлѣ моего тайника)
Имъ Vergebung, mein Herr! Прошу прощить, государь мой! — Я успалъ,
Лиза. Дай мнѣ кружку пива. Слышишь ли?

Лиза. Топчасъ, Господинъ Порутчикъ.

Поруттикъ (входящему служѣ своему) Каспаръ! набей мнѣ трубку. — (Обернувшись къ француженкѣ) Осмѣлюсь

люсь спросить съ моимъ почтеніемъ,
жалуеще ли вы табакъ?

Француженка., Monsieur! — Qu'est
ce qu'il demande, Mr. Nicolas? (Такъ
она меня называетъ).

Ж. S, il peut fumer. — Куриште,
куриште, Г. Порушчикъ. Я вамъ за нее
оплачу.

Француженка. Dites qu'oui.

Порушчикъ. А! Мадамъ не гово-
ритъ по-Нѣмецки. Жалю, весьма жа-
лю, Мадамъ. — Опкуда ѿдете, есъ-
ли смѣю спросить, государь мой?

Ж. Изъ Петербурга, Господинъ
Порушчикъ.

Порушчикъ. Радуюсь, радуюсь,
государь мой. Что слышно о Шве-
дахъ, о Туркахъ?

Ж. Старая пѣсня, Г. Порушчикъ:
и тѣ и другіе бѣгаютъ отъ Русскихъ.

Порушчикъ. Ч. меня возьми!
Рускіе стояшъ крѣпко. — Скажу
вамъ по пріязни, государь мой, что
ес্থали бы Король мой не оправдывалъ
менѣ, то давно бы я былъ не послѣднимъ
Штабъ-Офицеромъ въ Русской службѣ.

У меня вездѣ не безъ друзей. На примѣръ, племянникъ мой служилъ спаршимъ Адъюнтомъ у Князя.... Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ. Постойте — я покажу вамъ послѣднее письмо его. Ч. меня возьми! я позабылъ его дома. Онъ описываетъ мнѣ взятие Очакова. Пятьнадцать тысячъ легло на мѣстѣ, государь мой, пятьнадцать тысячъ!

Я. Не правда, Г. Порутчикъ.

Порутчикъ. Не правда? (Съ насмѣшкою) Вы конечно сами тамъ были?

Я. Хоть и не былъ, однако же знаю, что Турковъ убито около 8000, а Рускихъ 1500.

Порутчикъ. О! я не люблю спорить, государь мой; а что знаю, то знаю. (Принималась за кружку, которую между тѣмъ принесла ей хозяйка) Разумѣеше ли, государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, Г. Порутчикъ.

Порутчикъ. Ваше здоровье, государь мой! — Ваше здоровье, Мадамъ!

иамъ! — (Жаліячу) Ваше здо-
ровье. — Пиво изрядно, Лиза. —
Послушайте, государь мой! — Те-
перь вы называете меня Господиномъ
Порушчикомъ; по чёму?

Л. По тому, что хозяйка васъ
такъ называетъ.

Порушчикъ. По тому, что я
(приподнявъ шляпу) поклонился моему
Королю — и пошёлъ безвременно въ
опставку. А что теперь говорили бы
вы мнъ (опять приподнявъ шляпу):
Господинъ Маоръ, здравствуйте!
(Допивая кружку) Разумѣете ли?
Ч. меня возьми, еспѣли я не по-
уши былъ влюбленъ въ свою Анюю! —
Правда, что она была какъ розовая
пышка. И теперь еще не худа она,
государь мой, даромъ что уже че-
шверыхъ принесла мнъ. — Лиза! ска-
жи, какова моя Анюю?

Лиза. И, Г. Порушчикъ! какъ
будто бы вы сами этова не знаєте!
— Чего говоришь, что пригожа! —
Скажу вамъ смѣхъ, Г. Порушчикъ.
Какъ вы на святой недѣль вечеромъ

проѣхали въ городъ, ночевалъ у менѧ молодой господинъ изъ Кенигсберга — правду сказать, баринъ пребѣдной, и заплатилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку. Кушать онъ много не спрашивалъ — —

Порутчикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ этотъ доброй господинъ споялъ на крыльцѣ, и увидѣлъ Госпожу Поручицу, которая сидѣла въ коляскѣ на правой сторонѣ — такъ ли, Господинъ Поручикъ?

Порутчикъ. Ну что же онъ сказалъ?

Лиза. То - то баба! сказалъ онъ — ха! ха! ха!

Порутчикъ. Видно онъ не глупъ былъ — ха! ха! ха!

Я. И такъ любовь заспавила васъ и пши въ отспавку, Г. Поручикъ?

Порутчикъ. Проклятая любовь, государь мой. — Каспаръ, трубку! — Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, чѣмъ у спаника

ника фонъ Т* золотыя горы. Дѣвка
собра, думалъ я: дай женимся! Спа-
тикъ радъ былъ выдать за меня дочь
мою; только она никакъ не хотѣла
попасть за служиваго. Мамзель Анююта!
казалъ я: я тебя люблю какъ душу;
только люблю и службу Королевскую.
Я миленъкихъ ея глазенкахъ навер-
нулись слезы. Я спонулъ ногою, и
пошелъ въ отставку. Что же вы-
шло? На другой день послѣ свадьбы
любезной мой шестюшке, вместо зо-
лотыхъ горъ, наградилъ меня тремя
серебряными шалеровъ. Вотъ тебѣ при-
даное! — Дѣлать было нечего, то-
сударь мой. Я поговорилъ съ нимъ
крупно, а послѣ за бузылкою спа-
раго Рейнского вина заключилъ вѣчной
миръ. Правду сказать, стариkъ былъ
добросердеченъ — помяни Богъ его
душу! Мы жили дружно. Онъ умеръ
на рукахъ моихъ, и оставилъ намъ
все наслѣдство дворянской домъ. —

Но перервемъ діалогъ, который
занялъ уже слишкомъ двѣ страницы,
и начинай упомлять серебреное
перо

иеро мое. Словоохопной Порутчикъ
десяти часовъ наговорилъ съ три
роба, кошорыхъ я, жалѣя Габріемъ
выхъ лошадей, не возьму съ собою.
Между прочимъ, услышавъ, что
изъ Кенигсберга поѣду въ публичную
почтовой коляскѣ, совѣтовалъ мнѣ
занять мѣсто въ срединѣ, и 2) есть
будутъ со мною дамы, подчищать ихъ
всю дорогу чаемъ и кофе. Въ заключеніи
желалъ, чтобы я пушествовалъ съ
пользою, такъ какъ извѣстной Баронѣ
Тренкѣ, съ кошорымъ онъ будто бы
очень друженъ. — Господинъ Порутчикъ,
всунувъ свою трубку въ сапогъ
сѣлъ съ своимъ Каспаромъ на конь,
пустился во всю прыть, крича мнѣ
вышедшему на крыльдо : *Glückliche Reise, mein Herr !* —

Чего человѣкъ не напишетъ въ
часы безсонницы ! — Проспите же
Кенигсберга ! —

Кенигсбергъ, Іюня ⁸, 1789.

Вчера, въ семь часовъ утра, пріѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, спалъ, вмѣстѣ съ своимъ сопушкомъ, въ трактирѣ у Шенка. Приѣздѣ въ городъ нась осстановили, написали наши имена и послали съ на-
вигаторомъ, чтобы осмотрѣть наши
вещи; и это стоило намъ опять нѣ-
олько грошей. — Прїѣхавъ, пошелъ
шотчасъ бродить по городу.

Кенигсбергъ, столица Пруссии,
одинъ изъ большихъ городовъ въ
Европѣ, будучи въ окружности около
штадта верстъ. Нѣкогда былъ
въ числѣ славныхъ ганзейскихъ
городовъ. И нынѣ коммерція его до-
лжно важна. Рѣка Прегель, на ко-
орой онъ лежитъ, хотя не шире
шею или 160 фунтовъ, однако жь такъ
широко, что большія купеческія суда
могутъ по ней ходить. Домовъ счи-
тается около 4000, а жителей
10000 — какъ мало по пространству
города! При всемъ томъ городъ тѣ-
рь кажется многолюднымъ, потому
что

что множество людей собралось сю-
на ярмарку, которая начнется
завтрашнего дня. Я видел много
рошихъ домовъ, но не видалъ такихъ
огромныхъ, какъ въ Москвѣ или
Петербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ
выстроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многъ
численъ, что везде попадаються
глаза мундиры. Не скажу, чтобъ
Прусскіе солдаты были одѣты лучше
нашихъ; а особенно не нравятся ми-
ихъ двугольные шляпы, т. е. шляпы
у которыхъ поля подняты только
двухъ сторонъ. Что принадлежитъ
до Офицеровъ, то они очень опря-
ны, а жалованья получають, выклю-
чая Капитановъ, малымъ чѣмъ болѣе
нашихъ. Я слыхалъ, что будто бы
въ Прусской службѣ нѣтъ такихъ
молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ;
однако жъ здѣсь видѣлъ по край-
мѣръ десятокъ пятнадцатилѣтнихъ
правда не выше Подпоручиковъ.
Мундиры синіе, голубые и зелены
съ красными, бѣлыми и оранжевы-
ми воротами.

Вчера обѣдалъ я за общимъ спо-
ломъ, гдѣ было спарыхъ Маюровъ,
полстыхъ Капишановъ, осанистыхъ
Лорупчиковъ и безбородыхъ Подпо-
рупчиковъ и Прапорщиковъ человѣкъ
съ приданьемъ. Содержаніемъ гром-
кихъ разговоровъ былъ прошедшій
смотръ. Припомъ Офицерскія шут-
ки со всѣхъ споронъ сыпались. На
примѣръ: „Что за причина, Г. Риц-
мейстеръ, что у васъ нынѣ и днемъ
окна закрыты? Конечно вы не пись-
ломъ занимаетесь? ха! ха! ха!,, —
„То - то фонъ Кребсъ! Все знаешь,
что у меня дѣлаешь!,, — и проч.
и проч. Однако жь они учтивы. Лишь
только наша Француженка показалась,
всѣ вспали, и за обѣдомъ служили
ей какъ Парижскіе Кавалеры. — Какъ
бы то ни было, только въ другой
разъ разсудилъ я за благо обѣдать
одинъ въ своей комнатѣ, распворя-
окна въ садъ, откуда лились въ мой
Нѣмецкой супъ ароматическія испаре-
нія сочной зелени.

Вчера же послѣ обѣда былъ я
славнаго Канта, глубокомысленнаго
тонкаго Метафизика, которой опро-
вергаешь и Малебранша и Лейбница,
и Юма и Боннепа — Канта, кото-
раго Іудейской Сократъ, покойной
Мендельзонъ, иначе не называлъ, какъ
der alles zerst mende Kant, т. е. *всі*
сокрушающій Кантъ. Я не имѣлъ къ
нему писемъ; но смѣлость город
берешъ — и мнѣ отворились двери
въ кабинетъ его. Меня встрѣтила
маленькой, худенькой старичекъ, оди-
мѣнно бѣлой и нѣжной. Первые сло-
мои были: „Я Русской дворянинъ
путешествующій для того, чтобы поз-
накомиться съ нѣкоторыми почесте-
ными учеными мужами — и для того
прихожу къ Канту:„ Онъ шотчасъ по-
просилъ меня сѣсть, говоря: „Я пи-
салъ такое, что не можетъ прави-
ся многимъ; немногое любятъ меш-
физическая тонкости, въ которы
хотѣлось мнѣ входить.„ Съ полча-
говорили мы о разныхъ вещахъ: о поз-
шествіяхъ, о Китаѣ, обѣ открыли

увыхъ земель. Надобно было уди-
явшись его историческимъ и геогра-
ническимъ знаніямъ, которыя, каза-
ясь, могли бы однѣ загромоздить
изгнаніе человѣческой памяти; но
по у него, какъ Нѣмцы говорятъ,
было постороннее. По томъ я, не
изѣ скакка, обратилъ разговоръ на
оральную напуру человѣка. Вотъ
по могъ я удержать въ памяти изѣ
о разсужденій:

„Дѣятельность есть наше опре-
леніе. Человѣкъ не можетъ быть
никогда совершенно доволенъ обла-
емымъ, и спремится всегда къ прѣ-
рѣшеніямъ. Смерть заставаетъ насъ
бѣгу за чѣмъ нибудь, что мы еще
имѣемъ хопимъ. Дай человѣку все,
что онъ желаетъ; но опѣ въ ту же
инуту почувствуешь, что это все
есть все. Не видя цѣла или конца
премленія нашего въ здѣшней жизни,
лагаемъ мы будущую, гдѣ узлу на-
рочно развязаться. Сїя мысль тѣмъ
занятѣе для человѣка, что здѣсь
нетъ никакой соразмѣрности между
радо-

радостями и горестями, между
 слаждениемъ и страданиемъ. Я ра-
 юсь, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ
 и что скоро придетъ конецъ жиз-
 ней, надѣясь вступить въ другу-
 Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ,
 торыя имѣлъ я въ жизни, не ч-
 спвую теперь удовольствія; но пр-
 спавляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйст-
 валъ я сообразно съ моральнymъ з-
 номъ, начертаннымъ у меня на сер-
 радуюсь. Я говорю о моральномъ з-
 нѣ: назовемъ его совѣстю, чувстви-
 добра и зла — но онъ есть. Я
 лгалъ; ни кто не знаетъ лжи мо-
 гно мнѣ спыдно. — Вѣроятноснѣ
 есть увѣреніе, когда мы говоримъ
 будущей жизни; но, сообразя
 разсудокъ величъ намъ принимаютъ.
 Да и что бы съ нами было, е-
 бы мы, таѣ сказать, глазами ее
 дѣли? Еспѣли бы она намъ очен-
 любилась, мы бы не могли уже
 махнуться нынѣшнею жизнью, и бы-
 въ безпрестанномъ помленїи;
 противномъ случаѣ мы бы не и-

упъшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: *авось тамъ будемъ лучше!* — Но говоря о нашемъ определеніи, о жизни будущей и пр., предполагаемъ уже мы бытіе ВСЕВѢЧНАГО ТВОРЧЕСКАГО РАЗУМА, все для чего нибудь, и все благо творящаго. Что? Какъ? . . . Но здѣсь первой мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свой свѣтильникъ, и мы вошмъ оспаляемся; одна фантазія можетъ носиться во шмѣ сей и творить чудовищай. . . — Почтенной мужъ! проспи, еспѣли въ сихъ срокахъ обезобразилъ я мысли твои!

Онъ знаетъ Лафапера, и переписывался съ нимъ. Лафаперъ весьма любезенъ по добротѣ своего сердца, говоритъ онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, часто ослѣняется мечтами, вѣритъ магнетизму, и проч. — Коснулись до его непрѣятелей. Вы ихъ узнаете, сказалъ онъ, и увидите, что они всѣ добрые люди.

Онъ записалъ мнѣ штулы двухъ своихъ сочиненій, каторыхъ я еще не читалъ: *Kritik der praktischen Vernunft*, и *Metaphysik der Sitten* — и сю записку буду хранить какъ священ-ной памятникъ.

Вписавъ въ свою записную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились все мои сомнѣнія; по томъ мы съ нимъ разспались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описание весьма интересной для меня бесѣды, каторая продолжалась около трехъ часовъ. — Канипъ говорилъ скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженiemъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все проспѣ, кромѣ — его Метафизики. —

Здѣшняя катедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчанiemъ разсматривалъ я тамъ древнее оружіе, лапы и шишакъ благочестивѣйшаго

шаго изъ Маргграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣйшаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы — думалъ я — гдѣ вы мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя тѣни ваши ужасаютъ робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзаютъ вызывать ихъ изъ бездны минувшаго — подобно Улиссу, зовущему тѣни друзей своихъ изъ мрачныхъ жилищъ смерти — чтобы въ унылыхъ пѣсняхъ своихъ сохранять память чудеснаго измѣненія народовъ. — Я мечталъ около часа, прислонясь къ столбу. — На спинѣ изображена Маргграфова беременная супруга, которая, забывая свое состояніе, бросаясь на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молитъ Небо о сохраненіи жизни Героя, которой пошелъ побѣждать враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣтствуетъ прогательности предмета! — Тамъ же видно множество разноцвѣтныхъ знаменъ, профееевъ Маргграфовыхъ.

Французъ, наемной лакей, провожавшій меня, увѣрялъ, что отпушуди сѣсть подземельной ходѣ за городъ въ старую церковь, до которой будешъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣсницею, коша рая будто бы ведешъ подъ землю. Правда ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю то, что въ среднихъ вѣкахъ на всякой случай прокапывали ходы подъ землею, чтобы сохранять богатства и жизнь отъ руки сильнаго. —

Вчера ввечеру проспился я съ своимъ сопутникомъ, Господиномъ Француженко, котораго пріязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ грустно было съ нимъ разставаться. Онъ съ Француженкою поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ можетъ быть еще заспану его.

Нынѣ былъ я у нашего Консула Господина И***, которой принялъ меня весьма ласково. Онъ разсказывалъ мнѣ много кое-чего, что я съ удовольствиемъ слушалъ; и хотя уже давно живеи въ Нѣмецкомъ городѣ, весьма хорошо говорилъ по-Нѣмецк-

нако жь ни мало не обгерманися, сохранилъ въ цѣлости Русской характеръ. Онъ далъ мнъ письмо къ очпъ-Директору, въ кошоромъ проилъ его приказашь отвесши мнъ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ.

Вчера судьба познакомила меня с однимъ молодымъ путешесствующимъ Французомъ, которой называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ. Знавъ, что въ практиръ къ Шенку приехали иностранные — ему сказали, Французы — явился онъ къ Господину Ф*** съ ношею комплиментовъ. Я пушъ былъ — и такъ мы познакомились. „Въ Парижѣ есть мнъ равные въ искусствѣ, сказалъ онъ: для того не ходилъ я шамъ оспащася, поѣхалъ въ Берлинъ, перелечилъ, перечистилъ Нѣмецкіе зубы; но я имѣлъ дѣло съ великими скрягами, и — уѣхалъ изъ Берлина. Теперь єду въ Варшаву. Польскіе господа, слышно, умѣютъ цѣнить доспоянства и шаланы: побробуемъ, полечимъ, почистимъ! А шамъ поѣду въ Москву — въ ваше опре-

бщество, государь мой, гдѣ ко
но найду умныхъ людей болѣе,
жели гдѣ нибудь.,, Нынѣ, ког,
шолько что управился съ своимъ
домъ, пришелъ онъ ко мнѣ съ
магами, и сказавъ, что узнаешь
дѣй съ первого взгляда, и что
ешъ уже ко мнѣ полную довѣреннос
началъ читать мнѣ тракпашъ о
ной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ чита
наемной лакей пришелъ сказать м
что въ другомъ тракпирѣ обо дв
осстановился Русской курьеръ, К
танъ Гвардїи. *Allons le voir!* сказ
Французъ, пряча въ карманъ с
тракпашъ. Мы пошли вмѣстѣ —
вмѣсто Капитана нашелъ я Вах
стра конной Гвардїи, Господина*
молодаго любезнаго человѣка, кото
ръ халъ въ Копенгагенъ. Онъ еще
первой разъ посланъ курьеромъ, и
знаетъ по-Нѣмецки, чemu Прусс
Офицеры, которые на крыльцахъ
окружили, весьма дивились. Въ самс
дѣлъ не весьма удобно ъздить

чужи

чужимъ землямъ, зная только одинъ французской языкъ, кошорымъ не все говорятъ. — Въ то время, какъ мы разговаривали, одинъ изъ стоявшихъ на крыльце получилъ письмо изъ Берлина, въ кошоромъ пишущъ къ нему, что близъ сей столицы разбили почту, зарѣзали поспиллюна съ проводникомъ, и отняли нѣсколько тысячи талеровъ: непріятная вѣсть для тѣхъ, которые туда душъ! Впрочемъ вѣроятно, что послѣ такого случая Правительство постараєтся о безопасности проѣзжихъ (*). — Я пожелалъ земляку своему щасливаго пути.

20 Июня.

Въ спаринномъ замкѣ, или во дворцѣ, построенному на возвышении, осматривають пушечеславники цейггаузъ и библіотеку, въ ко-

Л 5 рой

(*) Въ бытность мою въ Берлинѣ Правительство не могло еще открыть виновниковъ. — Съ того времени велико всемъ проводникамъ имѣть при себѣ ружье: спасительная предосторожность!

рой вы найдете нѣсколько фоліантовъ и квартантовъ окованныхъ серебромъ. Тамъ же есть такъ называемая *Московитская зала*, длиною во 166 шаговъ, а ширину въ 30, которой сводъ сведенъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ старинной осьміугольной столъ, цѣною въ 40000 талеровъ. Для чего сїя зала называется Московинскою, не могу узнатъ. Одинъ сказалъ, будто для того, что шупъ нѣкогда сидѣли Рускіе пленники; но это не очень вѣроятно.

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно съ удовольствiемъ прогуливаться. Въ большихъ городахъ весьма нужны публичныя гулянья. Ремесленникъ, художникъ, ученой отдыхаешь на часомъ воздухъ по окончаніи своей работы, не имѣя нужды идти за городъ. Къ тому же испаренія садовъ освѣжаютъ и чистятъ воздухъ, который въ большихъ городахъ всегда бываешь наполненъ гнилыми частичками.

Ярманка начинается. Всъ нарѣ-
пля въ лучшее свое плашье. Пар-
за партии встрѣчается на ули-
цы. Гости - принимаютъ на крыль-
е подають чай и кофе.

Я уже отправилъ свой чемоданъ
по почту. Бдущіе въ публичной ко-
кѣ могутъ имѣть бо фунтовъ
въ планы; у меня менѣе шесши-
яши.

Adieu! Землякъ мой Габріель,
торой, говоря его словами, не на-
ѣ еще работы, пришелъ сказать
бѣ, что почтовая коляска скоро бу-
дь готова.

Я васъ люблю такъ же, друзья
и, какъ и прежде; но разлука не такъ
е для меня горестна, какъ прежде.
чинаю наслаждаться пушечествомъ.
огда, подумая о васъ, вздохну; но лег-
кий вѣтерокъ спруитъ воду не возму-
щоной. Таково сердце человѣческое;
въ сю минуту благодарю Судьбу
то, что оно таково. — Будьше
лько благополучны, друзья мои, и
когда обо мнѣ не беспокойтесь! —

ВЪ

ВЪ Берлинѣ надѣюсь получить
васъ письмо.

Маріенбургъ, ¹⁶
ночью.

Хотя я по слуху составилъ
бѣ и такъ весьма непышное пон
о почтовой коляскѣ, однако жъ въ
момъ дѣлѣ нашелъ ее хуже, не
думалъ. Она есть ничто иное,
длинная покрытая фура съ л
лавками, безъ ремней и безъ ресс
Я выбралъ себѣ мѣсто на пере
лавкѣ, обклавшись подушками. У
ни было еще двое товарищѣй,
напанъ и Подпорушчикъ, кото
рѣ сѣли назади на чемоданахъ, подс
подъ себя плащи. Я думалъ, что
мѣсто выгоднѣе; но послѣдовавшее
оказало, что выборъ ихъ былъ луч
шего. Слуга Капитанской и
называемой Ширмейстеръ, или про
никъ почты, сѣли къ намъ же
коляску на другой лавкѣ. Мнѣ бы
ироспорно и мягко. Печальный
сли, которыми голова моя наполн

при готическомъ видѣ нашего ажа, скоро разсѣялись. Бхавъ гомъ, видѣлъ я вездѣ пріятную тину праздника — вездѣ веселясь людей. Офицеры мои были весь учивы; и разговоръ, начавшійся у нами, довольно занималъ меня. говорили о Турецкой и Шведской, и Капишанъ отъ доброго сердца валилъ храбрость нашихъ солдатъ, орые, по его мнѣнїю, *едва ли* хуруссихъ. По шомъ разсказывалъ анекдоты послѣдней войны, кои всѣ, по естественному полуеще, относились къ ческихъ воиновъ. Ему крайне хотелось, чтобы Королю наконецъ миръ училъ., Пора снова драяться, го-илъ онъ: солдаты наши пролежа-бока; намъ нужна экзерциція, эк-зюція!,, Миролюбивое мое сердце зорбилось. Я началъ декламировать пивъ войны изо всей силы, описы-всю ужасность ся: спонъ, вопль астныхъ жертвъ, кровавою рѣкою топъ свѣтъ уносимыхъ; опуспо-шеше

шение земель, поску опечевъ и мрѣй, женъ и дѣтей, друзей и сниковъ; сиропство Музъ, скрывающихся во мракѣ, подобно какъ въ ное время дворовые собаченки, жавъ хвостъ, убѣгаютъ подъ наѣ и проч. Немилоспивой мой Капилъ смѣялся и кричалъ: намъ нужна экзерциція, экзерциція! Примѣшивъ нецъ, что я взялся за работу дидъ, замолчалъ и обратилъ все вниманіе на пріятныя мѣста, чѣмъ копорья мы проѣзжали. Поспѣшилъ нашъ, прошивъ моего чаянія, почти все рысью, и такимъ образомъ непримѣщно доѣхали мы до перемѣнъ тѣлько что имѣли время опустить на скорую руку. Бутылка драго вина, которую взялъ я въ пасъ изъ Кенигсберга, весьма пригодилась.

Ночь была пріятна. Я нѣскончно разъ засыпалъ, но не надолго. Тутъ почувствовалъ я выгоду, которой имѣли мои товарищи. На чемоданахъ могли они лежать какъ на постелѣ

мнѣ надлежало дремать сидя. На
всѣхъ прїехали мы на другую пере-
ѣзу. Чтобы сколько нибудь обод-
риться послѣ беспокойной ночи, вы-
шли мы съ Капитаномъ чашекъ по-
пѣши кофе, что въ самомъ дѣлѣ ме-
ня оживило.

Мѣста пошли совсѣмъ не пріят-
ныя, а дорога худая. Гейлигебеиль,
маленькой городокъ въ семи миляхъ
половиною отъ Кенигсберга, при-
водитъ на мысль времена язычества.
Тутъ возвышался нѣкогда величествен-
ной дубъ, безмолвной свидѣтель рож-
дения и смерти многихъ вѣковъ —
дубъ, священной для древнихъ оби-
щателей сей земли. Подъ мрачною его
шѣнью обожали они идола Курхо, при-
носили ему жертвы, и славили его
въ дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное
мерданіе сего естественного храма и
шумъ листьевъ наполнялъ сердца ужа-
сомъ, въ которой жрецы язычества
облекали Богопочитаніе. Такъ Друи-
ды въ густотѣ лѣсовъ скрывали свою
Религию; такъ гласъ Греческихъ про-
рица-

ридали щъ исходилъ изъ глубины мра-
ка! — Нѣмецкіе Рыцари въ трехъемъ
надеялись вѣкѣ, покоривъ мечомъ Прус-
сію, разрушили олтарі язычества,
и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ
Христіянства. Гордой дубъ, почтен-
ной спарецъ въ царствѣ распѣтій,
препыканіе бурь и вихрей, палъ подъ
сокрушильною рукою побѣдишель,
унищожавшихъ всѣ памятники идоло-
поклонства: жертва невинная! —
Суевѣрное преданіе говоритъ, что
долгое время не могли срубить ду-
ба; что всѣ топоры отскакивали
отъ полстой коры его какъ отъ
жесткаго алмаза; но что наконецъ
сыскался одинъ топоръ, которой раз-
рушилъ очарованіе, и отдѣлилъ дере-
во отъ корня; и что въ память по-
бѣдишельной сѣкиры назвали сіе мѣ-
сто *Heiligenbeil*, т. е. *сѣкира святыхъ*.
Нынѣ въ сей *сѣкирѣ святыхъ* пьющъ
вкусное пиво и ъдятъ хороший белой
хлѣбъ. За славу купилъ я нѣсколько
булокъ, которые подлинно были очень
белы.

Браунсбергъ, гдѣ мы въ третій разъ перемѣняли лошадей, есть довольно многолюдной городокъ. Тутъ мы обѣдали и пили кофе въ почтовомъ домѣ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ Капитанъ, когда мы проѣзжали черезъ одно маленькое мѣстечко. — „И такъ это Фрауенбергъ?,, — Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что не могъ видѣть тѣхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ сей славной Математикъ и Астрономъ, и гдѣ онъ, по своимъ наблюденіямъ и вычесамъ, опредѣлилъ движеніе земли вокругъ своей оси и солнца — земли, которая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ Планетъ, и которую послѣ Тихо де Браге хотѣлъ было опять оспановить, но пытливо! — и такимъ образомъ Пиѳагоровы идеи, надѣ которыми смеялись Греки, вѣрившіе своимъ чувствамъ болѣе нежели Философу, воскресли въ системѣ Николая Коперника!

ника! — Сей Астрономъ былъ ще спливье Галилея: суевѣріе — хощонъ жилъ еще подъ его скипетромъ — не заспавило его клятвенно опридашься отъ своего ученія. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ миѳномъ жилищѣ, но Тихо де Браге долженъ былъ оспавить свой философской замокъ и отечество. Науки, добно Религіи, имѣли своихъ спральцевъ. —

Передъ вѣчеромъ прїѣхали мы въ Эльбингъ, не большой, но торговой городъ, и весьма изрядно выстроенной, гдѣ стоятъ два или три дома. Почтѣ надлежало тутъ пробы поболѣе часа. Мы пошли въ практиръ гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, было довольно чисто. Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видаль я породично одѣтаго человѣка. Двоє играли въ билліардъ: одинъ въ зеленои кафтанѣ и дикомъ камзолѣ, подъ самыи парикомъ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ; а другой молодой человѣкъ въ пестромъ кургузомъ фракѣ, подъ кру-

круглою шляпою. Пожилой игрокъ игралъ очень худо, пошѣлъ и сердился; а молодой хотѣлъ надѣнъ шушипъ, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало, и оправлялъ безпрестанно свой полстпой и запачканной галстукъ. Каррикапура за каррикапурою приходила въ шрактиръ, и всякая каррикапура требовала пива и трубку. Мне было очень скучно. Къ тому же я чувствовалъ сильное волненіе въ крови отъ кофе и отъ тряскаго движения почтовой коляски.

Вышедши садиться, нашли мы у коляски молодаго Офицера и спарую женщину, которые рекомендовались въ нашу благосклонность, и объявили, что они будутъ съ нами. Такимъ образомъ намъ стало гораздо тѣснѣе. Офицеры мои рады были новому товарищу, съ которыми могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, которая была родомъ изъ Шведской Провинціи, услышавъ, что я Русской, подняла руки на небо и за-

кричала: *Ахъ злодѣй! вы губите нашего бѣднаго Короля!* Офицеры смеялись; и я смеялся, хопя не совсѣмъ опѣ добраго сердца.

Между шѣмъ прекрасной вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнѣйшему впечатлѣнію. На обѣихъ сторонахъ дороги проспирались богатые цвѣтущіе луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленныя спада, разсыпавшіяся по бархату сочныхъ правъ, блеяніемъ и ревомъ своимъ праздновали заходѣніе солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебной паръ молока, которое соспавляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жители принадлежатъ, еспѣли не ошибаюсь, къ секѣи Перекрестелей (*Wiedertaufer*). Хвалить ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ не подымается на ближняго. Кровь человѣческая, говорящія о니, воняетъ на небо. — Тишина наступившей ночи сомкнула глаза мои.

Теперь мы въ Маріенбургѣ, гдѣ я имѣлъ время написать къ вамъ сколько спраници. Сей городъ доспо-

и нѣ примѣчанія только по тому, что
древній его замокъ былъ нѣкогда спо-
лицею Великихъ Мастеровъ Нѣмец-
кихъ Рыцарей. — Отъ старой жен-
щины, моей непрѣятельницы, мы здѣсь
освободились; но мѣсто ея займетъ
высокой Офицеръ, которой теперь
сидитъ подъ менемъ, дожидаясь опра-
венія почты. — Почти совсѣмъ раз-
свѣтало. Проспите! Изъ Данцига
надѣюсь еще что нибудь приписать.

Данцигъ, 1го Июня

1789.

Проехавъ черезъ предмѣстіе Дан-
цига, остановились мы въ Пруссскомъ
мѣстечкѣ Штоденбергѣ, лежащемъ на
высокой горѣ сего имени. Данцигъ
лежитъ у цасъ подъ ногами какъ на
блюдечкѣ, такъ что можно считать
кровли. Сей прекрасно выстроенной ре-
гулярной городъ, море, гавань, кора-
бли въ приспани и бѣлѣющіеся па-
русы плывущихъ въ разномъ разсто-
яніи по волнующемуся, необозримому
проспранству водъ — все сїе вмѣ-

епъ образуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои, какой я еще не видывалъ въ жизни моей, и кошорая восхищаетъ душу. Два часа смотрѣлъ я на нее въ безмолвїи, въ глубокой тишинѣ, въ сладоспномъ забвенїи самого себя.

Но блескъ сего города весьма померкъ съ нѣкотораго времени. Торгъ, любящій свободу, болѣе и болѣе сжимається и упадаетъ отъ тѣснящей руки сильнаго. Подобно какъ монахъ наистрожайшаго Ордена, вспрѣясь другъ съ другомъ въ унылой мрачности своихъ жилищъ, вмѣсто всякаго привѣтствія умирающимъ голосомъ произносятъ: *помніи смерть!* такъ жители сего города, вздыхая отъ всего сердца,зываютъ другъ къ другу: *Данцигъ! Данцигъ!* где твоя *слава?* — Король Прусской наложилъ чрезмѣрную пошлину на всѣ товары, отправляемые отсюда въ море, отъ котораго Данцигъ лежитъ верстахъ въ пяти или шести.

Шотландцы , которые присылали сюда свои сельди , пользовались въ Данцигѣ всѣми правами гражданства , для того , что нѣкогда Шотландецъ Догласъ оказалъ городу важную услугу . Тѣ изъ жителей , съ которыми я говорилъ , не могли мнѣ сказать навѣрно , не ограничены ли нынѣ сїи права , и въ чёмъ именно состояла услуга Догласова . Такой знакъ благодарности дѣлаетъ честь сему городу .

Я не зналъ , что почта пробудетъ здѣсь такъ долго ; а шо бы я успѣлъ осмотрѣть въ Данцигѣ нѣкоторыя примѣчанія доспойныхъ вещи . Теперь уже поздно : хопяшъ впряженіе дошадей . Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ видѣть славную Эйхелеву картины , въ главной Лютеранской церкви , представляющую страшной судѣ . Король Французской — не знаю , когошорой — давалъ за нее 100000 гульденовъ . — Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга , чтобы поблагодарить его за Греческую

Грамматику, имъ сочиненную, ко-
рою я пользовался и впредь надѣю
пользоваться. — Огромнѣйшее зданіе
въ городѣ есть Магистратъ. Вообще
всѣ дома въ пять этажей. Опимѣнна
чипота спеколъ украшающъ видъ
ихъ.

Данцигъ имѣетъ собственны
деньги, которыя однако же въ горо-
да не ходятъ; и въ самомъ городѣ
Прусскія предпочитаются.

На западѣ отъ Данцига возвыша-
ются три песчаные горы, которыхъ
вершины гораздо выше городскихъ ба-
шенъ; одна изъ сихъ горъ есть Што-
ченбергъ. Въ случаѣ осады непрѣ-
шельскія башареи могутъ оптуда раз-
рушить городъ. На горѣ Гагелсбергѣ
былъ нѣкогда разбойничій замокъ; эхо
ужаса его далеко отзывалось въ окре-
спностяхъ. Тамъ показываютъ моги-
лу Русскихъ, убитыхъ въ 1734 году,
когда Графъ Минихъ штурмовалъ го-
родъ. Осажденные знали, съ которой
стороны будетъ приступъ, и по то-
му гарнизонъ и жители обращали

шумъ

шуда всѣ силы свои, и дралисѧ какъ отчаянныє. Извѣстно, что городъ держалъ спорону Станислава Лещинскаго пропивъ Августа III. за кото-
раго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли осмотрѣть городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ, и гро-
зили выстрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею строгостю, и воз-
вратились назадъ. Солдаты по большей части спарые, и одѣты неопрятно. Коммendantское мѣсто поручаетъ Магистратъ обыкновенно какому ни-
будь иностранному заслуженному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ
мѣсяцѣ.)

ЧУДНОЙ СОНЬ (*).

Слѣдующій сонъ видѣлъ 26 Апрѣля 1785 года покойной Баронъ Зигмундъ Зеккендорфъ (**) за полгода до болѣзни и смерти своей. Самъ онъ не сколько разъ его разсказывалъ, и самъ же описалъ его.

Онъ увидѣлъ во снѣ человѣка, обычновенаго по своему виду и платью, которой сказалъ, что онъ можетъ показать ему въ связи всю прошедшую или будущую жизнь его, и что бы онъ выбиралъ любое. Будущее, ош-

вѣ.

(*) Переводъ изъ Психологическаго Магазина, издаваемаго Берлинскимъ известнымъ Профессоромъ Морицомъ. Тамъ помѣщаются описанія разныхъ случаевъ въ человѣческой жизни, доспѣнныхъ примѣчанія или удивительныхъ, и все что относится къ интересному знанію человѣка, и что можетъ намъ болѣе объяснить самихъ себя, нашу душу, наше сердце. Сіе сочиненіе есть первое въ своемъ родѣ, и мало есть пріятнѣйшихъ и полезнѣйшихъ для человѣка вообще.

К.

(**) Онъ былъ Посланникомъ отъ Пруссскаго Двора въ Англию. Многія изъ Поэмъ его напечатаны въ Нѣмецкомъ Меркуре. См. прочія его сочиненія въ Мейзелевой Ученой Германіи.

ѣчалъ Зеккендорфъ, поручаю Богу; но пріятно бы было мнѣ видѣть въ картинахъ всю прошедшую жизнь мою. Тогда явившійся человѣкъ далъ ему зеркало, въ которомъ и увидѣлъ онъ сцены прошедшей жизни своей, такія, которыя онъ и не во снѣ едва уже помнилъ, и такъ ясно и живо, какъ бы все въ ту же минуту дѣжалось передъ его глазами. Онъ видѣлъ себя трехлѣтнимъ младенцемъ со всѣми обстоятельствами своего воспитанія; и все, что случалось съ нимъ непріятнаго въ школѣ — Наконецъ всякое приключеніе его молодости представлялось глазамъ его.

Потомъ волшебное зеркало представило ему и пребываніе его въ Италіи. Тамъ оставилъ онъ любовницу, на которой бы онъ конечно женился, еспѣли бы по обстоятельствамъ своимъ не принужденъ былъ уѣхать изъ Италіи. Онъ увидѣлъ сюженщину лежащую на постелѣ. Она съ улыбкою подала ему знакъ, чѣмъ онъ къ ней подошелъ. Намѣнѣнно

добно разстаться, другъ мой! сказала она: однако жь не надолго, потому что я не могу безъ тебя долго бышь. Только теперь оставь меня на нѣсколько минутъ,

Любовникъ и вѣ снѣ бывалъ учтивъ и послушенъ своей богинѣ Зеккendorfъ топчасъ вышелъ изъ комната; и когда опять вошелъ, увидѣлъ, что она спала гораздо прекраснѣе, и лежала на постелѣ подобающе преображеній. У ногъ ея поднялся занавѣсъ, за которымъ увидѣлъ Зеккendorfъ неописанное сияніе и миражество прекрасныхъ, преображеныхъ женщинъ, которыхъ всѣ казались ему весьма веселыми. Глаза его были ослѣдены блестящей ихъ красою. Одна изъ сихъ красавицъ схватила наконецъ его любезную за руку и повлекла ее съ собою, занавѣсъ закрылся, и онъ проснулся.

Скоро онъ опять заснулъ, опять явился топчъ же самой человѣкъ, которой давалъ ему волшебное зеркало, и спросилъ, доволенъ ли онъ

енъ тѣмъ, что видѣлъ, и не хочетъ
ли еще видѣть всѣхъ тѣхъ людей, съ
которыми онъ въ жизни своей знакомъ
былъ? Зеккendorfъ опицжалъ, что
ему будетъ то весьма пріятно, и
снова получилъ зеркало, въ каторомъ
подлинно увидѣлъ всѣхъ своихъ зна-
комыхъ, и мершвыхъ и живыхъ по
порядку, съ шою только отмѣною,
что тѣ изъ живыхъ знакомыхъ его,
которые были щастливы въ жизни,
проходили съ улыбкою, останавлив-
ались и взглѣдывали на него ласково;
а тѣ, которыхъ нещастная жизнь бы-
ла ему извѣстна, проходили въ зер-
каль скоро, не останавливаясь и за-
крывая глаза рукою. За ними слѣдо-
вали еще другіе, которые также за-
крывались, но которыхъ нещастіе
было ему совсѣмъ неизвѣстно. (Ко-
многимъ изъ нихъ онъ послѣ писалъ,
чтобы освѣдомишился о ихъ обстоя-
тельствахъ, и узналъ, что жизнь
ихъ была въ самомъ дѣлѣ нещастна.)

Умершіе, которыхъ опѣ увидѣлъ
въ семъ зеркаль, были все одинакимъ

обра-

образомъ одѣты и опмѣнно отъ жи-
выхъ, останавливались передъ нимъ въ
минуту, и съ улыбкою махали ему
рукою. Другое же какъ молния про-
мчались мимо него, закрывая глаза руками
однако жъ такъ, что онъ могъ узнавать
ихъ. Сїе было для него всего уже
снѣе, и когда онъ ни разъказывалъ
сонъ свой, всегда на семъ мѣстѣ го-
лосъ его перерывался; и вообще не
могъ онъ говорить объ немъ безъ
слезъ.

Тутъ онъ въ другой разъ про-
снулся. Внутренний спрахъ, которому
онъ чувствовалъ, заставилъ его вспаш-
съ поспели; онъ подошелъ къ окну
и старался разсѣять себя. Ударилъ
три часа, и Зеккендорфъ, успокоившись
немножко, легъ опять на постель.
Тутъ воображеніе его обратилось со-
всѣмъ на другое — во снѣ думалъ
онъ о своемъ снѣ, и сочинилъ спо-
хи и музыку къ немъ. По томъ опять
проснулся, всталъ, велѣлъ себѣ по-
дать свѣчу, описалъ весь сонъ, и вмѣ-
стѣ съ пѣснею и музыкою отоспалъ.

къ Вилянду , которой и напечаталъ
все въ своемъ Журналѣ , въ Октябрѣ
1785 года (*).

Въ семъ сообщенномъ намъ удивительномъ снѣ Господина Зеккендорфа нахожу я не много чуднаго , кроме того , что онъ во снѣ сочинилъ спихи и еще съ музыкой , чему однакожь найдемъ мы много примѣровъ въ психологической исторіи сновидѣній . Весьма напурально было , что человѣку , которой конечно часпо думалъ о прошедшыхъ случаяхъ своей жизни , и желалъ когда нибудь видѣть ихъ въ связи и такъ какъ въ зеркальѣ , явился во снѣ другой человѣкъ съ зеркаломъ , и , посредствомъ его живаго воображенія , ясно показалъ ему въ ономъ всю жизнь его . Извѣстно , что сїя душевная сила въ то вре-

(*) Пѣсня прекрасна ; но она не будетъ уже написана въ переводѣ . Авторъ благодаритъ свое воображеніе за прелестныя мечты , которыя наяву и во снѣ составляютъ щастіе его жизни .

время, когда чувства наши спятъ, и она безъ помѣшательства можетъ дѣлать спровадь одна, часто съ величайшою живостью представляеть намъ такихъ приключеній, которыя мы уже давно забыли; а по сему и не чудно, что онъ въ зеркалѣ увидѣлъ себя младенцемъ со множествомъ такихъ обстоятельствъ, которыя уже давно были имъ забыты — и не естественно ли было ему увидѣть прежнюю свою любовницу? Какъ часто, можетъ быть Г. Зеккendorфъ думалъ, разспавшись съ своею любезною, что онъ нѣкогда увидитъ ее въ образѣ свѣтлаго Ангела? Душа Поэта любитъ заниматься такими идеями — и сѣ по законамъ вообразительной силы случилось также естественно, какъ и то, что онъ въ другомъ своемъ снѣ, которой было продолженіемъ первого, увидѣлъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Тѣ изъ нихъ, которые были нещастливы, закрывали рукою, для того, что онъ частично видѣлъ ихъ въ семъ положеніи, означающемъ обыкновенно горесть, и

можетъ быть для того, что въ душѣ его были еще живыя впечатлѣнія такихъ картицъ и эспамповъ; а сіи впечатлѣнія, по связи идсій, соединились съ представленіемъ ихъ нещастія. Удивительное всего предыдущаго кажется то, что всѣ тѣ, кошорые закрывались рукою, и кото-
рыхъ обстоятельства были ему со-
всѣмъ неизвѣстны, нашлись по спра-
вѣ въ самомъ дѣлѣ нещасными; но
развѣ и сіе не могло быть случайно,
и развѣ знакомые его не могли безъ
всякой основательной причины почи-
пать себя въ числѣ нещасныхъ?

По напуральному слѣдствію идей
его, кошорые всѣ спремились къ об-
щей цѣли, увидѣлъ онъ и умершихъ
приятелей своихъ. Нѣкоторые изъ
нихъ проходили мимо его съ ласко-
ю улыбкою, а другіе промчались
быстро, закрывая рукою глаза: явное
отпореніе первого сна! Душа его
онечно и во снѣ думала, всѣ ли они
о ту сторону гроба щаспливы, и
о первому сновидѣнію надлежало ему

подумать проптивное. Онъ видѣлъ ихъ въ одинакомъ положеніи съ первыми; и сїя часть сна его должна была успрашать его, пошому чѣмъ онъ почелъ ее за откровеніе злаша спнаго соспоянія умершихъ друзей своихъ. Чѣмъ касаешься до пѣсни и музыки, то вѣрно и то и другое было на яву — по крайней мѣрѣ по правлено.

П.

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ.

(Изъ *Психологического Магазина*.)

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ . . . въ Вестфалии съѣхались про повѣдники на совѣтъ. Одинъ изъ нихъ вышелъ изъ собранія, чтобы на единѣ о чѣмъ-то подумать, и товарищи его увидѣли его ходящаго въ размышленіи по шемной алеѣ близъ дому. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ веселой, вздумалъ надѣяться пошушить спрягался въ алеѣ за деревьями, когда онъ проходилъ мимо, закричалъ ему глухимъ голосомъ: *Созижди домъ*

своїй

свой, ибо конецъ твой приблизился! Но проповѣдникъ прошелъ, по видимому ни мало не испугавшись. Онъ поворотился, и глухой голосъ въ другой и въ третій разъ повторилъ вышесказанныя слова. Хорошо, отвѣчалъ онъ, принявъ наконецъ сей голосъ за божественной и за вѣрное предвѣщаніе близкой смерти своей.

По томъ возвращился онъ къ своимъ собратіямъ, былъ блѣденъ какъ смерть, не говорилъ ни слова, и казался размышляющимъ. Товарищи спросили у него, отъ чего спалъ онъ такъ задумчивъ и мраченъ, и къ великому своему изумленію услышали, что конецъ его приближился, и что небесной гласъ уведомилъ его о томъ. Они все спали смеясь надъ его легковѣрностію, и рассказали ему все это. Но — все было напрасно. Проповѣдникъ стоялъ въ томъ, что ему слышался небесной гласъ. Сказали ему честно, время и человѣка, которої хотѣли надъ нимъ пошутить, и заставили его повторять оныя слова;

но все было напрасно. Проповѣдникъ почипалъ все сїе за одинъ вымыслъ, которыемъ хотѣли они усилить его; ожидалъ конца своего, и — черезъ нѣсколько дней спалъ жертвою своего воображенія.

Сп.

АНЕКДОТЫ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

1. Никакая похвала не была спомъ прѣятна Господину Фонпенелю, Автору книги *о множествѣ міровѣ* и другихъ сочиненій, какъ вопросъ одного Шведа. Когда при вѣзда въ Парижъ остановили его у караульни, то прежде всего спросилъ онъ у Офицера, гдѣ живетъ Фонпенель? И когда Офицеръ не могъ ему сего сказать, то онъ въ удивленіи воскликнулъ: Французъ не знаетъ, гдѣ живетъ Фонпенель!

2. Славной Французской драматической Авторъ, Корнель, помолвилъ дочь свою за одного молодаго человека. Но сеи, цо нѣкоторому дѣлу,

дѣлу, лишился вдругъ почти всего имѣнія, пришелъ къ Корнелю, вошелъ безъ доклада въ его кабинетъ, и хотѣлъ разсказать ему причины, для чего не можетъ онъ жениться на его дочери, не смотря на всю свою любовь къ ней. „Пожалуйте — сказалъ Корнель, перебивъ его рѣчъ — пожалуйше не говорите со мною о такихъ вещахъ, которыхъ я не разумѣю. Подите къ женѣ моей, и спасавшися меня въ покой. „

3. Одинъ скупой Англичанинъ, надъ которымъ шутили иѣкоторые насмѣшики, наконецъ очень разсердился, и желалъ быть членомъ Парламента только для того, чтобы положить пошлину на остроуміе. „Этожеланіе очень естественно, опрѣчали ему: всѣ другія пошлины и до васъ касающіяся, а отъ этой будете вы уволены. „

4. Г. М*** былъ пожалованъ Королевскимъ Библіотекаремъ. „Теперь — сказалъ нѣкто, услышавъ о томъ —

будетъ ему прекрасной слутий вы-
учиться — читать.,,

5. Одинъ Авторъ, сочинившій
трактатъ о соловьяхъ, говориша въ
предисловіи: „Двадцать лѣтъ не-
упомимо работалъ я надъ симъ со-
чиненіемъ. Глубокомысленные мудре-
цы утверждали всегда, что самое
сладчайшее удовольствіе, какое душа
человѣческая можетъ только вкушать
въ семъ мірѣ, состоитъ въ увѣреніи,
что мы оказали цѣлому роду чело-
вѣческому полезныя услуги. Желаніе
имѣть сіе удовольствіе должно
быть по справедливости главнымъ
нашимъ желаніемъ. Тотъ, кто се-
го не думаетъ, и не устремляешъ
всѣхъ силъ своихъ къ устроенію бла-
га человѣческаго рода, конечно не зна-
етъ, что онъ не столько для себя,
сколько для сочеловѣковъ своихъ по-
лучилъ дарованія свыше. Сіе размыши-
леніе заставило меня написать пред-
лагаемой трактатъ о соловьяхъ, ко-
торой долженъ споспѣшествовать об-
щему щасію разумныхъ сопварей
моихъ.,,

ПА-

ПАРИЖСКИЕ СПЕКТАКЛИ;

отъ Іюня до половины Августа про-
шедшаго года (*).

Королевская Академія Музыки,
или

Большая Опера (**).

Кругъ дѣлствія искусствъ и ху-
дожествъ нынѣ весьма распространил-
ся. Поэты и художники могутъ ны-
нѣ свободно слѣдоватъ своимъ мыслямъ
въ выборѣ матеріи и въ образѣ обра-
бопыванія. При равной интересно-
сти предметовъ лучше будетъ имѣ-
брать содержаніе своихъ твореній изъ
нашей Исторіи, потому что оно бу-
детъ занимательнѣе для Французовъ.
Давно уже о томъ думали, но не
могли произвести сего намѣренія въ
испль.

Н 4

Те-

*) Издашель надѣлся, что сія новая спашъ Журнала будетъ интересна для ибкошорыхъ Читателей. Впредь извѣстія сіи, переводимыя изъ *Mercure de France*, будуть сообщаемы естъ-
ли не во всякой книжкѣ, то по крайней мѣрѣ
черезъ нумеръ К.

**) *L'Academie Royale de Musique.*

Театръ долженъ быть такъ же справедливъ, какъ Исторія, осуждаша идиотовъ и великихъ злодѣевъ, и хвалия добрыхъ Государей, славныхъ и добродѣшельныхъ мужей.

Опера Людовикъ IX имѣетъ и то и другое доспоинство.

Авторы, уже извѣстные по другимъ хорошо принятымъ сочиненіямъ, хотѣли сочинить Оперу во всемъ пропранномъ смыслѣ сего слова; то есть, они въ сочиненіи своемъ, кажется, не сполько думали о порядкѣ дѣйствія и безпрестанномъ возвышеніи *интереса*, какъ о представленіи разнообразныхъ, привлекательныхъ картинахъ и празднествѣ, которыя бы натурально слѣдовали изъ содержанія.

Они спарались представить Людовика IX во всемъ доспоинствѣ его сана и со всѣми добродѣшелями его имени. Съ начала до конца пїесы роль его величественна, благородна и пропагандистска. Можно только сказать что обработывая сей главной характеръ

шеръ, они слишкомъ мало занимались
другими.

Дѣйствіе въ Египтѣ, во время
перваго крестоваго похода Людовика
IX. Король имѣлъ великія выгоды въ
первыхъ сраженіяхъ съ Египетскимъ
Султаномъ, копорой принужденъ былъ
просить у него мира. Оба Монарха,
предводительствуя своими арміями,
сходятся заключить его. Сарацыны
утверждаютъ сей миръ ужаснѣйшими
клятвами. Султанъ требуетъ, чтобы
и Король далъ порукою своего Божа;
но сей отвѣчаетъ: *D'un Chrétien,
d'un François la parole suffit* (*), и толь-
ко обѣщаетъ миръ.

Всѣ Сарацыны полюбили Короля
за его добродѣтели. Султанъ, зави-
дя ему и злобясь, намѣревается по-
тубить его, и хочетъ употребить
орудіями къ тому слугъ спаршаго де-
ла Монпана, присланныхъ отъ ихъ
господина съ шѣмъ, чтобы умер-

(*) „Отъ Христа и отъ Француза довольно
одного слова.“

итиши Короля. Жена Султана знає злобное его намѣреніе, и рѣшишися уничтожить оное. Она оплакиваетъ сына, которой во младенчествѣ съмъ былъ жертвою суевѣрія и нѣкотораго печального сновидѣнія супруга ея.

Въ концѣ первого акта дѣлается въ Королевскомъ лагерѣ возмущеніе, произшедшее отъ зависи знамыхъ дворянъ, недовольныхъ пѣми выгодами, которая далъ онъ народу, — что и согласно съ Исторію. Графъ Бреманской, которой въ самомъ дѣлѣ бунтовалъ четыре раза пропиѣ Святаго Людовика, представленъ предводителемъ бунтовщиковъ. Онъ уговариваетъ ихъ возмутить всю армію и возвратиться во Францію. Людовикъ является бунтовщикамъ одинъ, и видя ихъ твердое намѣреніе оставить его, обращаетъ къ нимъ свою сильную рѣчь :

Paiiez ; je ne retiens personne.

Cessez de partager ma gloire et mes travaux,
je

e vous défends de suivre mes drapeaux,
Et c'est moi qui vous abandonne (*).

Бунтовщики входятъ въ себя, и
король ихъ прощаетъ. Вся армія тол-
пится вокругъ его, и всѣ клянутся
служить за нимъ на край свѣта.
Весь конецъ сего дѣйствія опроверг-
аетъ искренность и живъ.

Во впоромъ дѣйствіи Людовикъ
вляется въ крестьянской хижинѣ.
Жители сей хижины были имъ на-
раждены за убытки свои, причинен-
ные воиною. Они славятъ его благо-
віе, посвящаютъ ему сельской жер-
твенникъ, и возсылаютъ за него мо-
литвы къ Небу — изъ чего выхо-
дятъ прекрасной деревенской праз-
никъ. Въ самую сю минуту прихо-
дитъ Людовикъ. Хотя и не знаемъ,
нако же принимается со всѣми воз-
можными почестями отъ добродушна-
го семейства. Но скоро собственная
его

) „Идише: я никого не удерживаю. Престрань-
ше участвовать въ моей славѣ и подвигахъ
моихъ! Я запрещаю вамъ следовать за моими
намечами. Не вы, а васъ оставлю. „

его чувствительность измѣняетъ ея
— его узнаютъ, и падаютъ къ ее
ногамъ. Людовикъ находитъ въ сем
удиненіи Эдесскую Принцессу, племянницу Годефруа де Бульйона, ко
торая укрылась туда послѣ взятія
разрушенія Эдеса Сараынами. Случай
привелъ въ то же мѣсто и Альмодан
сына Султанскаго, во младенчествѣ
осужденнаго на смерть жестокимъ
отцемъ, но спасеннаго Мозесомъ
бывшимъ начальникомъ Мамелюковъ.
Онъ тайно любилъ Принцессу, и та
же любилъ его. Людовикъ узнаетъ ихъ
и беретъ съ собою въ свой лагерь
Минута, въ которую онъ разспаешъ
съ поселянами, осыпающими его благ
словеніями, производитъ прекрасну
и до слезъ прогательную пантомиму.

Третье дѣйствіе происходитъ въ
дворцѣ Султана, который выходитъ
напередъ съ убийцами, и возбуждаетъ
ихъ исполнить свое предпріятие. Чтобы
облегчить сѣе исполненіе, онъ отдаєтъ имъ переловленныя письма отъ
матери Святаго Людовика. Приходитъ

Король, въ намѣреніи уговорить Султана, чтобы онъ справедливостию и милосердіемъ усмирилъ въ своемъ войскѣ бунтъ, которму причиною была его жестокость. Онъ подаетъ ему совѣты мудрые и кропкіе; и многое въ сей сценѣ было принято съ рукописканіемъ. Приходяще убийцы, отдаютъ Королю письма отъ матери его, въ то время, какъ онъ читаетъ ихъ, скопяще его умертвить; но величественной видъ Героя ихъ обезоруживаещъ — и они падаютъ къ ногамъ короля, признавая себя побѣженными.

Межу тѣмъ Мамелюки, взбунтовавшіеся прошивъ Султана, убиваютъ его и предлагаютъ Египетскую корону Людовику. Онъ великодушно отказывается отъ нее, и представляющъ имъ законнаго Государя, а Султаншъ сына въ юномъ Альмоданѣ, которой женился на Аделѣ.

Сей бракъ и весь эпизодъ Альмодановой любви есть главной порокъ сюжета. Не надлежало бы столько пренебрѣгать честности для про-

изведенія споль малаго дѣйствія. Кажется, что роли молодой Принцессы и Тристана, ея конюшаго, совсѣмъ не нужны въ піесѣ, которой дѣйствіе было бы гораздо проще и лучше если бы ихъ не было. Г. Гимардъ, сочинитель *Ифигеніи въ Таурии* и *Эдипа*, знаетъ конечно лучше другихъ, что Оперы безъ любви могутъ имѣть великой усльхъ; и въ такомъ сочиненіи, въ которой Святой Людовикъ есть Герой, нужно прибегать къ сему спарому способу.

Музыка прилична къ матеріи ко всякой сценѣ въ особенности. Вообще, въ ней болѣе ума и пріятности, нежели силы и прогательности. Однако жь вездѣ видно искусство театральное знаніе Автора *Федры* и проч. Всѣ голоса танцовъ весьма хороши, и по справедливости достойны были одобренія Публики.

Балеты приносятъ великую честь Г. Гарделю, которой ихъ сочинилъ. Онъ въ прешъемъ дѣйствіи самъ танцуетъ

дуетъ, и совершенно заслуживаетъ ру-
коплесканіе зрителей. Господа Вест-
рисъ и Нивелонъ, и Госпожи Пере-
нъйонъ и Миллеръ, во второмъ дѣйствіи
играютъ пантомиму съ обыкновеннымъ
своимъ искусствомъ. Всѣ первые шан-
цовщики танцующіе въ сей Оперѣ,
которой балеты приносятъ зрите-
лямъ великое удовольствіе. Декорации
и костюмы достойны всевозможной по-
хвалы. Платыя прекрасны, и точно
шого времени и той земли, гдѣ про-
исходитъ дѣйствіе. Словомъ, въ семъ
спектаклѣ видимъ мы вмѣстѣ такіе
таланты и пріятности, какихъ не
найдемъ ни въ какомъ другомъ. —
Наконецъ нельзя не отдать справедли-
вости таланту Г. Лене, которой
игралъ роль Людовика IX. Онъ точ-
но вошелъ въ его характеръ, и умѣль-
го выразить — умѣль представить
величество и доброду сего Мо-
нарха. Рукоплесканія были его на-
радою.

Во второмъ представлѣніи музы-
ку сей Оперы живѣе чувствовали. Мы
увѣ-

увѣрены, что чѣмъ чаще будущъ предспавлять сїю пїесу, тѣмъ болѣе будешъ она нравицься. Надобно за-
иѣтишь. что Г. ле Муанъ очень въ короткое время сочинилъ много пїесъ. Когда сїя способность сочинять ока-
зывается только въ посредственныхъ твореніяхъ, то ее назвать можно жалкою и нещасливою способностію; но когда производитъ она такія со-
чиненія, то Авторъ тѣмъ болѣе по-
хвалы достоинъ.

ТЕАТРЪ НАЦИОНАЛЬНОЙ (*).

Хорошо бы было поискать при-
чины, для чего одно драматическое
сочиненіе, на одномъ Театрѣ и при-
тѣхъ же зришеляхъ игранное, въ
одинъ разъ бываетъ освистано, а въ
другой принято съ рукоплесканіемъ.
Можетъ быть сей вопросъ изслѣдуемъ
мы въ другой разъ; а здѣсь сообщимъ
только одно замѣчаніе. Во много
людномъ собраніи часто человѣкъ съ
вкусомъ судить не столько по сво-
ему

(*) Théâtre de la Nation.

ему разсудку, сколько по общему впечатлению; онъ присоединяется голосъ свой къ голосу общества, не почтая его подозрительнымъ — и такимъ образомъ самой прозорливой критикъ часто бываетъ обманутъ отъ того, что кругомъ его обманываются. — Нѣтъ пужды сказать, что полагая сей вопросъ за проблему, исключаемъ мы заговоръ; ибо симъ словомъ все рѣшился.

Довольно, что пѣса, называемыя *Высокомѣрной* или *Жнимой щастливецѣ*, которую видимъ нынѣ на Французскомъ Театрѣ, упала при первомъ представлении, и даже до конца третьего акта не была доиграна, а теперь представляется съ совершеннымъ усиленіемъ.

Герой сей Комедіи думаетъ, что онъ имѣетъ всѣ блаженства сего міра, потому что онъ почтаетъ себя ихъ достойнымъ; то есть, причина сего заблужденія есть его высокомѣріе. Сю оптическую нужно замѣтить, ибо мы думаемъ, что есть другой родъ ми-

мыхъ щасливцевъ; но Г. Фабръ д'Енланпинъ долженъ былъ, представивъ намъ заблуждающагося отъ гордости, по заглавию своего сочинения. Вотъ планъ его:

Высокомѣрной Валерѣ знакомиша въ своемъ путешесствіи съ молодой и прекрасною дѣвицею, у которой есть огнѣи мать. Валеръ влюбляется, что весьма естественно; но не такъ уже естественно думашь ему что онъ однимъ взглядомъ и однимъ словомъ пленилъ все семейство. Пего мнѣнію, огнѣи ждешъ отъ него только другова слова, чтобы выдать за него дочь. Сія увѣренность дѣлается весьма комическою, когда мнимо будущій птицѣ, въ первомъ разговорѣ съ мнимымъ будущимъ зяпель сказываетъ ему учтивымъ образомъ что онъ не имѣшъ чести знать его. Въ трактирѣ, въ которомъ все остановились, въ то же время прижасъ и Орсанжъ, за котораго полно сія молодая дѣвица была помолвлена, и которой хочетъ покр

вившися своей невѣстѣ, не открывая ей
своего имени. Хвастовство Валерово
заставило думать всѣхъ людей, что
онъ точно назначенной зять; а сіе
приводитъ Орсанжѣ въ мучительное
недоумѣніе. Между тѣмъ, какъ сей
слухъ увѣряетъ самую матерь и чрезъ-
мѣрно огорчаетъ dochь, случилось
такъ, что отцу поручается оштапть
подъ караулъ Валера, по указу, ис-
ходящему изъ исполненному его родицелями
и присланному къ нему для исполненія. Валеръ слышитъ о сей комис-
сии, и не думая, чтобы какое ни-
будь непрѣятное приключение могло
до него касаться, самъ берется по
оному указу сдѣлать исполненіе и
заплатить всѣ издержки. Между тѣмъ
Орсанжъ, объясняясь съ своимъ сопер-
никомъ, вызываетъ его на поединокъ.
Сей послѣдній радуется сему пред-
ложению, по тому, говоритъ онъ, что
редко бываетъ случай доказать свою
храбрость любовницѣ, и что храб-
рость есть наилучшій способъ по-
нравиться всякой красавице. Можно до-

гадаться, что при развязкѣ зданіе Валерова щаспія должно разрушиться. Одно объясненіе совсѣмъ его испровергаетъ; и высокомѣрной, будучи наказанъ, но ни мало не исправясь, съ веселіемъ возвращающейся къ олицу, въ увѣреніи умилоспившись и пльнишъ его однимъ представленіемъ своихъ намѣреній.

Мы только означили нѣкоторыя положенія; но можно чувствовать, что въ оныхъ удобно было открыться характеру главнаго лица. Нѣкоторыя люди нашли, что сей характеръ не совсѣмъ естественъ. Намъ кажется, что они въ самомъ дѣлѣ правы; но въ драматическомъ твореніи трудно чего нибудь не увеличить въ характерѣ, и выводишь на сцену вполнѣ такихъ людей, каковы они въ натурѣ. Иные находятъ также, чисто положеніе Валерово, когда онъ берется за исполненіе указа прошивъ себѣ самого, взято изъ пѣсы, называемой *Metromanie*, *Страстъ къ стихотворству*. Признаваясь, что сія крипик

осново

основательна, должны мы посправедли-
вости сказать и то, что Г. Фабръ
д'Егланпинъ умѣлъ присвоить себѣ сіе
положеніе, въ которомъ у него споль-
еспесивенно обнаруживается высоко-
мѣрная вѣтреность его Героя. Нако-
нецъ, хотя критика и можетъ най-
ти въ сей піесѣ нѣкоторые недоспят-
ки, однако жь всякой знающей человѣкѣ
видитъ въ ней знаки испинныхъ
дарованій, и Г. д' Егланпинъ, по двумъ
своимъ Комедіямъ, долженъ быть при-
численъ къ тѣмъ сочинителямъ, ко-
торые составляютъ надежду нашего
комического Театра. Г. Моле, которой
игралъ первую роль въ сей Комедіи,
привелъ зрителей въ восхищеніе напу-
ральностью и живостью комической
игры своей.

ИТАЛІАНСКОЙ ТЕАТРЪ (*).

Изъ Нѣмецкой піесы, подъ именемъ *Hausvater*, вышла Комедія *При-
жиренные супруги*, *les Eroits reunis*, ко-
торая на сей Театрѣ была съ усил-
емъ

хомъ играна. Изъ сей же самой пїесы, что есть изъ другой части ся интриги, сочицілъ нашъ Авторъ Луизу и Вользана, Комедію въ трехъ актахъ, которая также хорошо принята Публикою. Содержаніе Комедіи есть неравной бракъ; ошедъ сперва пропившися оному, а по томъ самъ желаетъ его; сынъ же хопя и влюбленъ, однако жъ не вдругъ хочетъ для любви оспавить всѣ требованія на знанность. Хорошій слогъ и интересноспѣ положенія соспавили усіхъ сей пїесы.

Съ великимъ удовольствіемъ видѣла Публика Г. Мишю, котораго искусство въ собственно такъ называемой Комедіи довольно было известно, но которой давно уже не игралъ въ подобныхъ роляхъ. Гж. Сентъ Обенъ также съ великою пріятностю играла роль Луизы.

ТЕАТРЪ ГРАФА ПРОВАНСКАГО (*).

Не весьма хорошо принята была комическая Италіанская Опера *Il cavaliere*

(*) Theatre de Morsent.

liere errante , первая пїеса въ семь ро-
дѣ , сочиненная нарочно для сего Те-
атра. Пышное обѣявленіе о сей пїесѣ
было конечно отчасти причиною спро-
гости зрителей; но надобно признать-
ся , что сїя Поэма слишкомъ холодна
и скучна , хотя бы изъ сего содержа-
нія могло выйти по крайней мѣрѣ
много забавнаго.

Талантъ славнаго сочинителя му-
зыки , Г. Тарки , не могъ закрыть не-
достатковъ Поэмы .

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

Оптимистъ , или геловѣкъ осѣмъ
девольной , Комедія въ пяти дѣй-
стияхъ , сочиненная на французскомъ
языкѣ Господиномъ Колленемъ д , Ар-
левилемъ .

Г. Колленъ д , Арлевиль почтается
однимъ изъ лучшихъ нынѣшихъ
французскихъ драматическихъ Авто-
ровъ. Онъ сочинилъ три Комедіи :
Непостоянаго (l'Inconstant), Оптими-
ста и Воздушные замки (les Chateaux
en Espagne). Первая его Комедія —
скажемъ словами извѣстнаго де ла Гарпа-

— не имѣетъ никакой завязки и никакихъ истинно комическихъ сценъ; однако жь Парижская Публика приняла ее изрядно. Вторая пѣса, *Оптимистъ*, переведенная на Русской и представляемая нынѣ на Московскомъ Театрѣ, была принята въ Парижѣ съ великою похвалою. Вотъ ея содержаніе:

Оптимистъ, Г. Зланѣшъ — такъ называется его Русской Переводчикъ, перемѣнившій имена и сцену Комедіи — дворянинъ, живущій въ своей подмосковной деревнѣ съ женой и дочерью своею, которая была уже помолвлена за друга его Буреmysла, приимающаго къ себѣ въ домъ, въ должность Секретаря, молодаго человѣка которой въ ненаспную ночь попросилъ у него ночлега и ему полюбился. Сей молодой человѣкъ влюбился въ Премилу, дочь Оптимистову а она въ него; но они падаютъ въ любовь. Извѣда, молодая вдова племянница Оптимистова, прѣѣхавшая къ свадьбѣ своей двоюродной сестры находящей ее печальною, и догадывающаяся

что она любитъ, и конечно не
жениха своего. Подозрѣніе падаетъ
на Секретаря, и хитрая Извѣда до-
водитъ его до того, что онъ при-
знается ей въ своей любви къ Пре-
милѣ, и въ томъ, что онъ сказы-
вается не своею фамилиею; что онъ
знатнаго рода, но что отецъ его
проигралъ все свое имѣніе, и онъ
отъ бѣдности долженъ былъ ити
въ отставку, и искать пропитанія
своими прудами. Извѣда увѣряется
также и въ Премилиной любви къ Ми-
лоуму — такъ называется Секретарь
— и рѣшился, еслили не соединить
любовниковъ, то по крайней мѣрѣ
избавить Премилу отъ такого су-
пруга, котораго она хотя и почи-
таетъ за его достоинства, но лю-
бить не можетъ. Она даетъ чув-
ствовать Буренмыслу, что невѣста
худо отвѣчаетъ его любви. Онъ тре-
буетъ объясненія, и Премила почти
прямо сказываетъ ему, что она сго-
же любишъ. Буренмыслъ идетъ къ дру-
гу своему Зланѣшу сказать, что онъ

не можешь быть его зятемъ; но съи, не давъ ему еще ничего выговоришь, объявляешь ему, что купецъ, у ко-
тораго въ рукахъ были всѣ его дѣнь-
ги, проигрался въ карты и сдѣлался
банкротомъ; что дочь его лишилась
приданаго, и что онъ воленъ оказатьсь
отъ руки ея. Буре мыслъ, боясь, что-
бы не почали его человѣкомъ корысто-
любивымъ, хощвшимъ жениться на
Премилѣ только для ея имѣнія, пере-
мѣняетъ вдругъ свое намѣреніе, и
говоритъ, что онъ всегда почтѣлъ
за особливое щасіе на ней женить-
ся, если она только удостоишъ
его руки своей; но Премила наконецъ
решительно сказываешьъ, что она его
не любишь, и Буре мыслъ, узнавъ ея
склонность къ Секретарю, проситъ
Зланѣта соединить любовниковъ, и
хочешь отдать свое имѣніе Милоуму,
Оптимистъ, по своему добродушію,
на все соглашаешься; говорящъ женѣ
его — но она и слышать не хочетъ
о такомъ бракѣ. Между тѣмъ къ Ми-
лоуму приѣзжаетъ отецъ, Г. Добро-

лавовъ, которой вдругъ разбогатѣлъ, выигравъ въ карты большую сумму. Сынъ открывается ему въ своей любви къ Премилѣ. Онъ приходитъ къ Олимпии и женѣ его, будто бы только за шѣмъ, чтобы купить ихъ деревню, которую они продать вздумали, и плашитъ имъ ту сумму, въ которую они сами ее оцѣнили. Тутъ открывается, что онъ обыгралъ са-
мого того купца, у которого были Зланѣтковы деньги. Онъ хочетъ воз-
ратить ему все; но Зланѣтъ и же-
на его, признавая, его великодушіе,
не принимаютъ его подарка. Онъ сва-
лаетъ Премилу за своего сына, и
представляетъ имъ бывшаго ихъ Секре-
таря. Предложеніе со всѣхъ спо-
собъ принимаютъ съ радостію; а
чтобы не было ни одного человѣка
недовольнаго, то Буре мыслѣ жени-
лся на Извѣдѣ.

Чищатель видитъ расположеніе,
вязку и развязку піесы. Все довольно
натурально, кроме того, что
Зланѣтъ принимаетъ къ себѣ въ домъ
чело-

человѣка совсѣмъ ему неизвѣстнаго.
Можно сказать, что Оптимисту свой-
ственno бышь легковѣрнымъ; но же-
на его, которая дѣлаетъ изъ него
что хочетъ, и которая такъ недо-
вѣрчива, моглъ бы осперечь его. Так-
же не очень вѣроято и то, чтобы
Буреныслъ вдругъ вздумалъ отдать
свое имѣніе человѣку, почти совсѣмъ
ему незнакомому, и еще такому, ко-
торой опнимаетъ у него невѣсту.
Зритель ни по какой чертѣ характера
его — характера мизантропиче-
скаго и мрачнаго — не могъ ожи-
дать отъ него такого поступка. Да
и къ чему служитъ его слишкомъ вѣ-
ликодушное предложеніе? Оно не имѣ-
етъ никакого дѣйствія на развязку п-
есы, и потому одному уже излишне.

Что принадлежитъ до главнаго
характера, то его не лѣзя назвать
ненатуральнымъ. Есть конечно люди,
которые въ самомъ посредственномъ
состояніи почишаютъ себя щастливи-
ми, а особенно въ нѣкоторыхъ л-
дахъ; люди, которыхъ спихнѣ

веселье; кошорыя съ радостнымъ сердцемъ наслаждаются всѣми настоящими благами, и въ самыxъ непріятностяхъ, въ самыxъ нещастіяхъ бывають веселы надеждою. Такія люди, не измѣняя чувствамъ своего сердца, могутъ утверждать, что въ свѣтѣ болѣе добра и менѣе зла, нежели обыкновенно думають — и мы можемъ согласиться съ нашимъ Оптимистомъ, что удовольствія, которыя предлагаєтъ намъ Натура, разнообразны и велики; что громъ не льзя назвать зломъ по тому, что иногда горятъ отъ него овины; что мы часто сами бываемъ причиною своего нещастія, и проч. и проч. Но не такъ уже легко можно съ нимъ согласиться, когда онъ говоритъ, что болѣзни не суть зло, для того, что есть лекари; что дряхлая старость не есть зло, для того, что старецъ похожъ на Патріарха; что въ свѣтѣ нѣтъ обманьщиковъ и воровъ, кроме одного или двухъ. — Впрочемъ Зланѣтъ въ самомъ дѣлѣ щасливо по своимъ обстояніямъ.

споятельствамъ, и ешьли исключил
потерю 40 тысяч рублей, то онъ
бывъ только справедливымъ человѣкомъ
могъ быть совершенно доволенъ свои-
мъ состояніемъ. Потерявъ же сі-
сумму, онъ не былъ тѣмъ доволенъ
следствено онъ былъ не всѣмъ д-
воленъ; но, какъ человѣкъ благород-
ной, онъ не хочетъ понапрасну ш-
житъ, и предаетъ чувству пѣ-
удовольствій, которыя еще оспали-
 ему въ жизни. Кажется, что А-
торъ, не отходя отъ Нашуры, мо-
бы представить своего Оптимиста
веселымъ въ обстоятельствахъ гора-
до нещастившихъ, отъ чего пись-
была бы прогательнѣе. Вообще о-
лучше въ чинѣ, нежели на Театрѣ.
Есть сцены, можно сказать, скучные
и совсѣмъ пропавныя свойству А-
мы — на прим. сцена, гдѣ Зланъ
съ Буренмысломъ такъ долго говорятъ
о добрѣ и злѣ, не сказавъ намъ ни-
чего ни новаго, ни убѣдительнаго.
Драма не терпитъ никакихъ долгихъ
разсужденій; она состоитъ въ дѣйстві-

какъ то самое сіе имя показываетъ. Еслыли Авторъ хочетъ разсудить, пиши онъ диссертацию, или какой нибудь разговоръ, или что ему угодно, только не Драму для Театра.

Слогъ піесы достоинъ всей похвалы — и почтенная Московская Публика приняла сю Комедію такъ хорошо, какъ только по справедливости она могла быть прията.

Г. Померанцевъ, играющій ролью Зланѣта, показываетъ намъ, каковымъ бы надлежало ему быть въ напурѣ. На Французскомъ Театрѣ, въ Парижѣ, играетъ сюю роль славной Моле, и прекрасная его игра была отчасти причиной того, что Парижская Публика такъ хорошо приняла сюю Комедію. Жаль, что я, не видавъ Оптимиста на Парижскомъ Театрѣ, не могу сдѣлать никакого сравненія между игрою Моле и нашего Померанцева! — Госпожи Синявской въ роляхъ своихъ достойны рукоплесканія Зрительей. — Г. Сахаровъ умѣлъ войти въ характеръ Буреmysla, и многій

мѣста въ ролѣ своей выражаетъ очень хорошо. Г. Украсовъ весьма изрядно представляетъ Милоума. Только въ другихъ пїесахъ играетъ онъ лучше; на прим. въ *Садолюбивомъ отцѣ* роль Сенпѣ-Альбина сыгралъ онъ въ послѣдній разъ несравненно удачнѣ.

Что принадлежитъ до переводовъ пїесы, то онъ чистъ и гладокъ. Только немногія выраженія покрипиковали можно. На примѣръ: *Есть ли бы я захотѣлъ къ слову приѣхать, я бы болѣно его этимъ убилъ.* Приѣхавшихъ людей не убиваютъ; а это еще говорилъ Оптимистъ, которой вообще такъ краснорѣчивъ! — *Кажется, тутъ ствую какъ бы новую сладость жизни* говорилъ Извѣда; но говоряли такъ молодыя женщины? *Какъ бы здѣсь очень проптивно.* — *Я имѣю съ собою Русскаго* Это слишкомъ по-Французски. — *Какъ безстрашно вдавался онъ въ огонь!* Въ огонь можно бросаться, а вдаваться въ него также не льзя, какъ и въ воду. — *Соловѣкъ при самолѣтѣ прирожденіи платятъ и производятъ*

ти. Производишь вопли! --- Оно (воспоминание) ничего произвестъ не можетъ, развѣ угинитъ навсегда меня нещастною. Здѣсь и галлицизмъ и славянизмъ вмѣстѣ. Любезная Премила, которая это говоритъ, перевела съ французскаго : Il ne fera que; а развѣ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово здѣсь употреблено — и угинить, вмѣсто сдѣлать, не льзя сказать въ разговорѣ, а особенно молодой дѣвицѣ. — Я буду жить, говоритъ Зланѣтъ, переди милой жены и моей дотери. Лучше бы было сказать : „я буду жить съ милою мою женою и дочерью“, — что здѣсь сообщаєтся какая-то нехорошая идея. — Я сказалъ все то, что замѣтилъ. Еспѣли бы переводъ вообще не такъ хорошъ былъ, ктѫ бы захотѣлъ имъ заниматься?

Еще кажется мнѣ, что въ ліесѣ надлежало бы многое перемѣнить, когда Господину Переводчику неопинно хотѣлось одѣсть ее въ Руское платье. Г. Милоумъ идетъ въ опашку для того, что онъ бѣденъ.

Этому у насъ трудно поверить. От недостатка переходяще у насъ из одной службы въ другую; но какъ бы честной способъ прописанія остался молодому благородному человѣку, которой, не имѣя доходовъ, пошѣбы въ отставку? У Зланища говори-
овинъ. „Это хорошо, говори-
я давно не спроился; надобно б-
деть заплатить работникамъ, но б-
ныя люди этимъ хлѣбъ промышляютъ.
У нашихъ дворянъ спрояшъ ови-
собственные ихъ крестьяне, ко-
рымъ они за то не платятъ; сл-
ественно не отъ чего тутъ бѣднъ-
людямъ промыслить хлѣба. — Э-
нѣтъ, лишась денегъ своихъ, хоче-
житъ во всемъ умрѣннѣе; и дас-
людямъ своимъ опускныя. Тутъ п-
же видно что-то не-Русское. Есплы-
у насъ обѣдняль дворянинъ, шо-
или продалъ бы своихъ слугъ,
опустилъ бы ихъ съ паспор-
т. е. на время, а не навсегда.

Еще замѣтишь одно. Драма
жна быть вѣрнымъ представлені-
ю

общежитії; надобно, чтобы въ ней люди не только поспушали, но и назывались такъ же, какъ они въ общежитіи называются: но называются ли у насъ мушки Зланѣшами, Буремыслами, Милоумами, а женщины Извѣдами, Прѣмилами и проч.? Одно такое имя напомнишъ Зрѣшелю, что онъ въ Театрѣ, и что все видимое имъ есть небылица; а надобно, чтобы онъ забывался. Сперва, можетъ быть, иному смѣшно бы показалось, когда бы Театральные Герои спали другъ друга называть по именамъ и по отчествамъ; но наконецъ мы бы къ этому привыкли: Во Французскихъ или Нѣмецкихъ піесахъ именуясь только фамиліи, для того, что у нихъ и въ общежитіи именъ не упоминаютъ, кроме тѣхъ случаевъ, где надобно различить двухъ человѣкъ одной фамиліи. —

Желательно бы было, чтобы Переводчикъ Оптимиста перевелъ намъ *les Châteaux en Espagne*, піесу, которая на Театрѣ была бы веселье *Оптимиста*.

О КНИГАХЪ.

Всебщая и гастроная Естественная Исторія Графа Бюффона. Часть I. Переведена Академиками Степаном Румовскимъ и Иваномъ Пепехинымъ Въ С. Петербургѣ, изданіемъ Императорской Академіи Наукъ 1789.

Натуральная Исторія, которая сообщаетъ намъ познаніе всего того что существуетъ въ Натурѣ, естественно достойнейший предметъ любопытства человѣческаго. Сколько жъ, наблюдателей, путешесвій трудовъ потребно было на то, чтобы сдѣлать сюю Исторію скольконибудь полною! Натура плодотворъ своихъ произведеніяхъ; сіи произведенія разсѣяны по всему земному шару; тамъ неизмѣримыя моря, тамъ горящіе пески, тамъ горы съ вѣчными снѣгами и пропастями. Но человѣкъ, сей карло-великанъ — человѣкъ предкахъ и потомкахъ своихъ вущий — рано или поздно побѣждаетъ трудности, и влекомой неусыпно склонностью къ

склонностию къ познаніямъ, переплы-
вающа моря, — пески, горы, снѣга и
пропасти переходитъ.

Первая Натуральная Исторія,
намъ извѣстная, есть Аристотелева Исторія животныхъ; но сколь она еще несовершена! Философической духъ Автора не могъ замѣнить недостатка въ историческихъ знаніяхъ. Плиніева Исторія, можно сказать, преступила уже предѣлы Натуральной Исторіи, заключая въ себѣ описаніе самыхъ искусствъ. Она есть собра-
ніе всѣхъ знаній и заблужденій тогдашнихъ временъ — временъ, въ ко-
торыя Путешественники почитали за стыдъ не разсказать чего нибудь чуд-
наго, небывалаго, будто бы видѣн-
наго ими въ земляхъ дальнихъ. Всѣ же такія сказки вмѣстилъ Плиній въ свою Исторію, впрочемъ весьма интересную.

Когда разсвѣялся мракъ суевѣрія и невѣжества среднихъ вѣковъ, то вмѣстѣ съ духомъ здравой Философіи пробудился и духъ наблюденія Нашуры.

Новые Аргонавты пусклись во всѣ
часы свѣта, чтобы вездѣ раз-
сматривашь Напуру въ ея произведе-
ніяхъ; наблюденія Древнихъ были по-
вѣрены, дополнены, умножены новы-
ми; явились Наименовашели, Класси-
фикаторы съ своими методами. На-
длежало родишься Бюффону, чтобы
представишь намъ Напуру въ живой
картины — и сїя картина есть его
Естественная Исторія, писаная съ
философическимъ духомъ Греческаго
Напуралиста, съ нылкихъ, силь-
нымъ воображеніемъ Плинія, и съ
точностю, вѣроносною новыхъ наблю-
дашель.

Маркизъ Кондорсеть, сочинившій
похвальное Слово Бюффону, говориша-
,,Философическія разсужденія, вмѣстѣ
,,съ описаниями вещей и нравовъ, дѣ-
лаютъ его сочиненіе пріятнѣйшимъ
,,и полезнѣйшимъ. Правда, онъ раз-
суждаешь не такъ какъ Философъ
,,подвергающій всѣ мысли свои спро-
гому раздробленію, и слѣдующій въ
разныхъ предмеахъ правиламъ всѣхъ

на единой Философии; однако же разсужденія его суть и не такія несвязныя мысли, кошорыя произвѣщія въ душѣ каждымъ предметомъ „орознь, или кошорыя сами собою ей представляются, и бывающіе истинны только по времени и мѣсту. Разсужденія Господина Бюффона основывающія всегда на какомънибудь всеобщемъ законѣ Нашуры, или по крайней мѣрѣ на какой нибудь великой идеѣ. „

Сія первая Часть содержитъ въ себѣ теорію земли. Тутъ видимъ мы Физика и Поэта вмѣстѣ. Мысли его о происхожденіи Планетъ оспанулся всегда только его мыслями. Г. Кондорсеть оправдываетъ его систематическую смѣлость слѣдующимъ образомъ:

„Мысль, начертать всеобщую теорію земного шара, можно всегда получивъ дерзостию мыслю; но Г. Бюффонъ, зная человѣка, зналъ и то, что наука, предлагающая одни особенные дѣйствія (*faits*) или пред-

, спавляющая всеобщая слѣдствія въ
„образъ однихъ чайныхъ, не можешъ
„занять людей съ обыкновеннымъ раз-
„умомъ, который по слабости своей
„не могутъ снести тягости сомнѣ-
„нія. Онъ зналъ, что Декартъ при-
„влекъ людей къ Философіи един-
„ственno сълъсюю своихъ системъ
„что онъ разорвалъ цѣпи ума ихъ
„и вывелъ ихъ изъ равнодушія къ
„испинѣ не иначе, какъ овладѣвъ
„ихъ воображеніемъ и щадя ихъ лѣ-
„ность; и что наконецъ, освободясь
„отъ узъ и предавшись жадности къ
„знаніямъ, сами они нашли испинно-
„путь. Онъ видѣлъ въ Исторіи Н-
„укъ, что эпоха великихъ успѣховъ
„ихъ была всегда эпохою славныхъ
„системъ: ибо сіи системы возбуж-
„дають дѣятельность ихъ противни-
„ковъ и защитниковъ; всѣ предметы
„подвергаются строгому изслѣдованию
„всякой выискивающей все возможное
„опроверженію доказательствъ свое-
„противника, и стараешься умножи-
„число своихъ; и еспѣли сіи доказа-
тешъ

,,шельства найдутся недостаточны-
,,ми, по ищущъ новыхъ, сильнейшихъ.
,,— Такимъ образомъ самая спротив
,,Философія можетъ проспить Физи-
,,ку, что онъ предается своему во-
,,ображенію, еспѣли заблужденія его
,,могутъ способствовать усѣхамъ На-
,,укъ хотя пѣмъ, что другое прину-
,,ждены будутъ опровергать его; и
,,еспѣли гипотезы или мысли Г. Бюф-
,,фона о происхожденіи Планетъ про-
,,шивны пѣмъ же самимъ законамъ си-
,,спемы міра, которыхъ былъ онъ во-
,,Франціи первымъ и ревностнѣйшимъ
,,защитникомъ: то спротив истина,
,,осуждая сїи гипотезы, все еще мо-
,,жетъ хвалить то искусство, съ ко-
,,торымъ Авторъ умелъ ихъ предло-
,,жить. ,,

Всякой Россіянинъ, любящій про-
свѣщеніе своего отечества, долженъ
радоваться, что сїе полезное и въ
своемъ родѣ единственное сочиненіе
переводится на Русской языкѣ, и при-
томъ мужами учеными, знающими са-
мую вещь, и въ обоихъ языкахъ равно

свѣдущими. Не льзя сказать, что бы до сего времени многіе изъ нашихъ соотечественниковъ прилѣжно занимались разсматриваніемъ величества и красоты Нашуры, которая для любимцовъ своихъ бываетъ источникомъ чистѣйшаго удовольствія; но можно надѣяться, что читая Нашуральную Исторію на собственномъ своемъ языкѣ, всякой будетъ имѣть любопытство сличать, сколько можно, описаніе съ описываемымъ, — и такимъ образомъ, мало по малу, сей благородной вкусъ, вкусъ разсматриванія Нашуры, будетъ распространяться. Важенъ трудъ почитенныхъ Господъ Переводчиковъ, и достоинъ всевозможной похвалы. Самые труднѣйшія физическія слова перевели опи въ сей части весьма удачно. Ясность и гладкость слога сославляющъ второе важное достоинство сего перевода. Только весьма немногія мѣста могутъ показаться сомнительными; на примѣръ Спран. 1: „Ибо есть особливой родъ силы разума и неупомимости духа

способствующий къ разсмотриванию Природы въ неисчислимомъ множествѣ произведеній оныя.,, Въ подлинникеъ: Car il y a une espèce de force de génie et de courage d' esprit à pouvoir envisager, sans s'étonner, la Nature dans la multitude innombrable de ses productions. Авторъ, кажется, говоритъ, что си качества, т. е. une espèce de force de génie et de courage d' esprit, не способствуютъ, а потребны на то, чтобы обозрѣть Природу въ множествѣ ея произведеній; и sans s'étonner (чего нельзѣ въ переводѣ) т. е. не пришедшіи въ изумленіе, въ которомъ разумъ переспашъ уже действовать. —

Стран. 2:,, Есть также вліяннаѧ склонность къ любленію оныхъ (т. е. произведеній Натуры), превозмогающая спремленіе къ частнымъ каковыми либо ея предметамъ.,, Въ оригиналѣ: Il y a une espèce de gout à les aimer, plus grand que le gout qui n'a pour but que des objets particuliers. Здѣсь, кажется, Авторъ хотѣлъ сказать не то, что бы мы по природной склонности лю-

били произведенія Природы, а то,
что любовь къ нимъ показываетъ уже
въ человѣкѣ нѣкоторой вкусъ, и что
сей вкусъ превосходнѣе шакого вкуса,
которой имѣешь предметомъ какія
нибудь частныя вещи. — Стран. 2:
„Любовь къ познанію Природы пред-
полагаетъ два качества въ человѣче-
скомъ разумѣ, которыя одно дру-
гому пропивными быть кажутся;
именно: дальновидность остраго ума
объемлющаго все однимъ взоромъ;
малое прілѣпленіе трудолюбнымъ
побуждениемъ произведеніе, обра-
щающее токмо на одинъ предметъ.
Les grandes vues d'un génie ardent надле-
жало бы, кажется, перевесъ: велики
нажѣренія пылкаго ума, а не дальнови-
дность остраго ума. Les petites attention
d'un instinct laborieux qui ne s'attache qu'à un se-
point, можно бы было, кажется, ясно
выразить на Рускомъ такъ: „Мѣло-
ныя примѣчанія трудолюбиваго духа
прилѣпляющагося только къ одному
предмету., — Между многими оче-
зорошо переведенными словами по-

даются и такія, которыя бы, казалось, могли быть иначе переведены. Такъ на пр. переведены *jurisconsultes* проповѣдцы, *classes* классы, *ordres* семейства, *mînégaux* исконаемые, *subdivision подраздѣлениe*. Имя проповѣдцы скорѣе всего можно почесть за уменьшительное проповѣдей. Для чего бы, казалось, не сказать *классы* вмѣсто *статьи*? Сїе слово давно уже сдѣгалось Русскимъ; а статья всегда значила артикаль, слово, которое ни на какомъ языкѣ не имѣетъ одинакаго значенія съ классомъ. Люди могутъ раздѣляться на классы, а на артикулы или на спашки не могутъ; тоже и звѣри. Слово *семейство*, *famille*, есть въ Нашуральной Исторіи, но не то значитъ, чѣмъ *ordre*. Животныя разныхъ сходныхъ между собою родовъ составляютъ *ordre*, а семейство состоитъ только изъ животныхъ одного рода и одного имени, впрочемъ имѣющихъ между собою нѣкоторое различіе; такъ на пр. говорится: *la famille* помѣреніе *des polypes*, многогисленное семейство

ство полиповъ. Я не знаю, для че^{го} бы minéraux не назвать минералами, с^ие слово известно всѣмъ шѣмъ, ко^{торые} и никакихъ иностранныхъ язы^{ковъ} не знаютъ. Название ископаемы^е скорѣе бы могло означать fossils, fossili^s, слово, не столь уже извѣстное въ Русскомъ языке, какъ мине^{ралы}. Какъ же мы будемъ переводить ea^sихъ minérales? Къ тому же минералы лежатъ и на поверхности земли: слѣдовательно ископаемость не есть общая определительной характеръ ихъ. Чѣмъ приадлежитъ до подраздѣлений, что Руному трудно понять, какъ можно что нибудь подраздѣлять: не лучше ли было сказануть, вмѣсто подраздѣлений, перелѣніе? — Все с^ие только для примѣра. Впрочемъ Рецензентъ читалъ сей переводъ съ шѣмъ; чѣмъ бы паучатъся изъ него, а не съ шѣмъ, чтобы его крипиковатъ. Онъ собственно отъ своего лица долженъ благодарить почтенныхъ Гг. Переводчиковъ за ту пользу, которую принесло ему с^ие чтеніе. — Пока человѣкъ

будетъ чловѣкомъ, онъ не сдѣлаетъ ничего совершенного, ничего такого, что бы съ копорой нибудь спороны не подвержено было крипикѣ. Совершенство удаляется отъ глазъ нашихъ по мѣрѣ нашего къ нему приближенія — сїе пребудетъ испиною въ морали, въ искусствахъ, и въ самомъ искусствѣ переводить — и естыли переводъ сей Натуральной Исторіи не совсѣмъ совершенъ, то по крайней мѣрѣ онъ есть одинъ изъ лучшихъ переводовъ, когда-либо вышедшихъ на Рускомъ языке.

Вторая и третья Части уже вышли, но Редакціонѣ еще дожидается ихъ изъ Петербурга.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Über die Vergleichung der alten, besonders griechischen mit der deutschen und neuern Litteratur, von Gottfr. Ernst Groddeck, der Phil. Doct. Berlin, bei Kunze.

То есть: О сравнении древней, а особливо Греческой съ Нѣмецкою и носѣйшою Литтературою; сочинение Гроддека, Доктора Философіи (*).

Нѣмецкое Ученое Общество въ Мангеймѣ предложило вопросъ: Дошли ли Нѣмцы въ иѣкоторыхъ родахъ Поззи и Краснорѣчія до Римлянъ Грековъ, или не превзошли ли ихъ вѣтчибудь? Сочинитель, известной уж ученыму свѣту по другому своему сочиненію de Hymnorum Homericorum reliquiis, изслѣдываетъ сей вопросъ, и думая о награжденіи. Подлинно можно рѣшить его? Можно ли такъ точно сравнивать древнюю Лиштертуру съ новою? А есть ли должно шо какіе будуть главные пункты сего

(*) изъ Allgemeiner deutscher Bibliothek, въпорѣ чески двадцато первого Тома.

сего сравненія? — Вопросъ: *поравнялись ли мы съ Древними, и не превзошли ли ихъ?* въ самомъ дѣлѣ весьма труденъ; но естьли бы и легко можно было рѣшить сей вопросъ, то всеѣ чѣму бы намъ было мѣряться съ Древними? Развѣ для того, чтобы оставить ихъ, и такимъ образомъ избавиться отъ трудныхъ изъясненій? Или для того, чтобы поравнявшись съ осиротѣвшимъ народомъ на земномъ шарѣ, заснуть на лаврахъ своихъ съ пріяшною мыслію: *я съ ними ровесникъ?* Или можетъ быть для того, чтобы увидѣть еще недоспавшее памѣтъ совершенству? Но здѣсь рождаются новые вопросы. Точно ли творенія Древнихъ въ словесныхъ наукахъ могутъ быть для Поэта и Оратора такими вѣрными образцами, какъ правила Поликлита для художника? Не есть ли красопа и совершенство нѣчто весьма относительное, или, лучше сказать, нѣчто такое, чего во всей чистотѣ не найдешь ни у какого народа и ни въ какомъ сочиненіи? Только

въ сравненіи копіи съ оригиналомъ
могу я точно опредѣлить, чего не
достаетъ въ первой для совершенна-
го сходства съ послѣднимъ. Но раз-
въ сочиненія наши суть ничто иное
какъ копіи Древнихъ? И развъ Древніе
безъ всякаго исключенія могутъ бытъ
для насъ оригиналами? — Сочинителъ
хотѣлъ дать почувствовать нѣкото-
рыя изъ сихъ затрудненій, имѣющихъ
влияніе на рѣшеніе вышеупомянутаго
вопроса. Совершенно въ творені-
іяхъ Древнихъ, говоримъ онъ, или по-
что въ нихъ нравится, не есТЬ *одинъ*.
Оно различно, по разнымъ временамъ
въ кошорыя цвѣла Поззія у Древнихъ.
Вкусъ подверженъ былъ многимъ пер-
мѣнамъ. Пѣвецъ Натуры поетъ въ
шакъ какъ просвѣщенной Поэзѣ, а пра-
свѣщенной не шакъ какъ ученой. Къ
кой родѣ изящности надобно избрать
мѣриломъ? Къ тому же мы не имѣ-
емъ еще довольноаго числа примѣровъ
чтобы одоспомѣстить Греческой Ли-
тературы сказать нѣчто рѣшил-
ное. Нѣкоторые изъ лучшихъ Греч-
ескихъ

скихъ Писателей (на прим. Менандеръ и всѣ Поэты новой Комедіи) пропали ; обо многихъ же Греческихъ твореніяхъ въ словесныхъ наукахъ имѣемъ мы только историческое свѣдѣніе. Но какое же есть главное различіе между древнею и новою Поэзіею, различіе, столь затрудняющее всякое сравненіе между ими ? Яснѣе всего увидимъ его, когда сравнимъ обстоятельства , въ которыхъ образовалась Поэзія Древнихъ и наша Поэзія. У Грековъ происходитъ и образуется она во времѧ дѣтства и юности націи . Гомеръ безпримѣренъ и неподражаемъ для того , что онъ писалъ или пѣлъ въ сихъ обстоятельствахъ. Нѣкоторыя изъ оныхъ не перемѣнялись еще долгое время. Языкъ Гомеровъ остался языкомъ Эпическихъ Поэтовъ , и содержаніе пѣсней ихъ было отчасти то же. Долго были Поэмы вмѣстѣющими полезныхъ знаній , и болѣе всего изъ нихъ учились. Грекъ возраспалъ среди идей и образовъ вѣковъ предшед-

шихъ, и живо чувствовалъ красоты
того искусства, которому надлежало
прославлять всякое народное торже-
ство. Сколько же, напротивъ того, оп-
мѣнны обстоятельства Поэзіи въ на-
шемъ отечествѣ! Пѣсни древнихъ Бар-
довъ едва ли стоятъ того, чтобы
жалѣть о потерѣ ихъ. Пѣсни такъ
называемыхъ любовныхъ пѣвецѣвъ (*)
для насъ почти тоже, что потеряны;
потому что языкъ нашъ совсѣмъ не-
ремѣнился — и въ самыя пѣ времена,
какъ онъ сочинямы были, действо-
вали онъ болѣе на вышшія состоянія,
нежели на народъ. Чеховыя стихотвор-
цы (**) совсѣмъ унизили Поэзію. Да-
же и теперь, когда превосходные
Поэты

(*) Minnesinger — старинные Нѣмецкие или
Швабскіе Поэты, сочинявшиѳ по большой части
любовныя пѣсни. --- К.

(**) Сей цехъ существуетъ еще и нынѣ въ Ни-
ренбергѣ, въ Спразбургѣ и въ другихъ горо-
дахъ верхней Германіи, и состоитъ изъ учи-
телей и изъ учениковъ. Должность ихъ ест-
ь, чтобы пѣсть пѣсни въ своихъ торжествен-
ныхъ собраніяхъ. --- К.

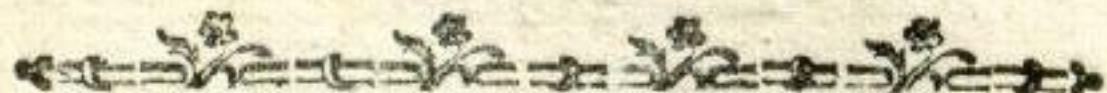
Поэты извлекли ее изъ всеобщаго презрѣнія , сколь еще отлично по участіе , которое беретъ въ ней народъ , отъ того , которое брали Греки въ своей Поэзіи ! Национальной духъ , ко-
торой ихъ оживлялъ и заставлялъ знать Исторію своего отечества , намъ совсѣмъ не извѣщенъ . Мы ду-
хомъ своимъ живемъ болѣе въ другихъ народахъ , нежели въ собственномъ своемъ ; а Грекъ образовался среди Грековъ , и творенія свои бралъ изъ самого себя . Языкъ нашъ есть языкъ Богатой и Философской , но для По-
эзіи время его почти прошло . Впоследствіе главное различіе древней и новой По-
эзіи состоится въ различности цѣли оныхъ . Образованіе и просвѣщеніе дикихъ людей было цѣллю Древнихъ , а у насъ только удовольствіе и забава .
Различность содержанія Поэмъ есть необходимое сего слѣдствіе ; а съ дру-
гой стороны произошло отъ сего так-
ое же великое различіе и въ харак-
терахъ Древнихъ и новыхъ твореній .

Благородная, трогательная простота
есть характеръ Древнихъ; а новыхъ
украшеніе и искусство. — Изо всего
же сказаннаго слѣдуетъ то, что ве-
ликость Древнихъ происходитъ не отъ
большой силы духа ихъ, но отъ об-
стоятельствъ внѣшнихъ. Нѣмцамъ
оспаешь по крайней мѣрѣ та слава,
что они въ обстоятельствахъ, гораз-
до не столь благопріятныхъ, достиг-
ли до высокой степени изящности; и
весьма бы несправедливо было опре-
дѣлять доспойнство послѣднихъ по
неприличному сравненію съ первыми. —
Сочинитель сравниваешь по томъ раз-
ные роды Поэзіи, которые дошли до
насъ отъ Древнихъ, на прим. Басню
Драму, Идиллю, и показываешь вели-
кое различіе, которое должна была
произвести въ нихъ различность вре-
мени. По томъ обращаешься онъ еще
къ Поэзіи Римлянъ, которая уже го-
раздо ближе къ нашей. Римляне учи-
лись у Грековъ, такъ какъ мы учимся
у Грековъ и Римлянъ. И у нихъ про-

дѣла Поэзія уже во время просвѣщенія; но она была подобна однодневному распѣнію, которое скоро увяло на сей плоской землѣ. Не наученіе, а удовольствіе было дѣломъ Римскихъ Поэтовъ. Однако жь они имѣли передъ нами то преимущество, что въ ихъ гражданскія учрежденія и религію вошло много Греческаго, и потому были они къ образцамъ своимъ ближе нашего. — Авторъ, кажется, нашелъ точношу сторону, съ которой должно смотрѣть на древнюю и новую Поэзію. Не во многомъ можно подражать Древнимъ; но весьма многому можно у нихъ, или, лучше сказать, посредствомъ ихъ выучиться. Кто безъ творческаго духа хочетъ быть Поэтомъ, или скоро обработашь дарованія свои по хорошимъ образцамъ, тому можетъ кратчайшимъ путемъ достигнуть до того черезъ приложеніе чтеніе новѣйшихъ Поэтовъ, Итальянцевъ, Французовъ и Англичанъ. Но ~~также~~ по тому, что разстояніе

между сими и нами споль мало, а
между Греками и нами споль велико,
сїи послѣдніе гораздо удобнѣе къ об-
разованію великаго духа и вкуса. Для
кого будешъ сїе загадкою, шотъ по-
проси объясненія у нашихъ модныхъ
Крипиковъ и однодневныхъ Поэзовъ.

Имена Особъ, благоволившихъ под-
писаться на Московской Журналъ.

ВЪ МОСКВѢ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Александровичъ Плещеевъ.

— Благородіе Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ.

— Сиятельство Князь Александръ Николаевичъ Засѣкинъ.

Ея Сиятельство Княгиня Марья Ивановна Черкасская.

Его Высокоблагородіе Юрій Александровичъ Нелединской-Мелецкой.

— Сиятельство Графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ.

— Благородіе Дмитрий Аршамоновичъ Свѣтиковъ.

— Сиятельство Князь Сергій Никитичъ Долгоруковъ.

Въ домъ Его Сиятельства Графа Николая Петровича Шереметева.

Василій Петровичъ Померанцевъ.

- Его Высокоблагородіе Андрей Родо-
нович Башаевъ.
- Благородіе Николай Никитич Де-
мидовъ.
- Высокоблагородіе Иванъ Василь-
евичъ Плещеевъ.
- — Сергеи Ивановичъ Ларіоновъ.
- Сіятельство Графъ Кирила Гри-
горьевичъ Разумовской.
- Благородіе Николай Романовичъ
Поливковской.
- — Иванъ Максимовичъ Лугининъ.
- Высокоблагородіе Федоръ Петро-
вичъ Ключаревъ.
- Высокопревосходительство Александъръ Александровичъ Нарышкинъ.
Ея Сіятельство Княжна Анна Александровна Черкасская.
- Его Высокородіе Иванъ Владимировичъ
Лапухинъ.
- Высокоблагородіе Сергей Ивановичъ
Венрейской.
- — Иванъ Егоровичъ Баскаковъ.
- — Григорий Петровичъ При-
клонской.

- Его Сиятельство Князь Николай Алексеевич Голицынъ.
— Благородіе Егоръ Израилевичъ Гезель.
— Семенъ Ивановичъ Тимирязевъ.
— Превосходительство Всеволодъ Алексеевичъ Всеволожской.
— Высокоблагородіе Николай Николаевичъ Бантышъ - Каменской.
— Сиятельство Князь Александръ Александровичъ Прозоровской.
Неизвѣстная Особа.
Неизвѣстная Особа.
Госпожа Кутузова.
Въ главный Кригсъ - Комиссиріатъ.
Его Превосходительство Сергѣй Андреевичъ Фамильцынъ.
— Благородіе Василій Евдокимовичъ Демидовъ.
Ея Благородіе Сусанна Филипповна Долгова.
Его Превосходительство Василій Сергеевичъ Нарышкинъ.
— Высокородіе Аѳанасій Ивановичъ Игнатьевъ.
Федоръ Ивановичъ Манщиковъ.

Его

Его Высокоблагородіе Пепръ Аѳанасій
евичъ Бекетовъ,

ВЪ Совѣтъ Московскаго Воспитанскаго
наго Дома.

ВЪ Англійской Московской Клубѣ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Васильевичъ
Лазаревичъ.

— Сіятельство Князь Дмитрій Александровичъ Черкаской.

— Высокоблагородіе Степанъ Пепръ
вичъ Ивановъ.

— Превосходительство Матвій Васильевичъ Муромцовъ.

— Высокородіе Павелъ Степановичъ
Руничъ.

Неизвѣстная Особа,
Ея Высокородіе Евдокія Федоровна

Болпина.

Пепръ Михайловичъ Гусяниковъ
Именитой Гражданинъ.

Его Высокоблагородіе Дмитрій Федоровичъ
ровичъ Щукинъ.

— Благородіе Алексѣй Федоровичъ
линовский.

— Высокоблагородіе Фотій Михайловичъ
Мильковъ.

Его Сиятельство Князь Алексей Иванович Голицынъ.

— — Князь Алексей Борисович Голицынъ.

Ея Высокородіе Анна Ивановна Теряева.

Его Благородіе Иванъ Семенович Масловъ.

— Сиятельство Князь Николай Иванович Одоевскій.

— Благородіе Андрей Васильевич Римской - Корсаковъ.

— Сиятельство Князь Иванъ Николаевич Трубецкой.

— Высокоблагородіе Сергѣй Алексѣевич Благовъ.

Въ другихъ городахъ.

Въ Арзамазѣ Его Высокоблагородіе Николай Иванович Бахмешевъ.

— Бѣлеѣ Его Превосходительство Александръ Леонтьевич Ларіоновъ.

— Дорогобужѣ Его Превосходительство Непрѣ Амилеевич Шепелевъ.

— — Его Благородіе Николай Михайлович Калечицкой.

- Въ Смоленскѣ Его Высокоблагородіе
Степанъ Юрьевичъ Храповицкой.
- Задонскѣ Его Высокоблагородіе
Иванъ Осиповичъ Кожинъ.
- Нижнемъ Новгородѣ Его Высокоблагородіе Иванъ Дмишрѣвичъ Карповъ.
- Рязани Его Благородіе Николай Александровичъ Болшинъ.
- Верей Его Благородіе Алексѣй Петровичъ Толстовъ.
- Сычевкахъ Его Высокоблагородіе Николай Алексѣевичъ Чепчуговъ.
- Въ Кременчугѣ Его Высокоблагородіе Павелъ Никифоровичъ Шаро.
- Могилевѣ Его Благородіе Антон Егоровичъ Щепнєвъ.
- Бирскѣ Его Благородіе Андрей Артамоновичъ Веригинъ.
- Вязьмѣ Его Благородіе Сергеи Веденикповичъ Арсеньевъ.
- Изюмѣ Его Благородіе Федор Ивановичъ Фаенковъ.
- Ефремовѣ Его Высокородіе Василий Васильевичъ Артемьевъ.

Въ Полоцкѣ въ Главное Народное Училище.

- Уфѣ въ Контору Г. Демидова.
- Воронежѣ Его Сіятельство Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ.
- Балашевѣ въ Уѣздный Судъ.
- Оренбургѣ Его Высокоблагородіе Александръ Сергеевичъ Кушниковъ.
- Его Благородіе Петръ Дмитріевичъ Крашенинниковъ.
- Козельскѣ Его Высокоблагородіе Василій Васильевичъ Новиковъ.
- Суражѣ въ Уѣздный Судъ.
- С. Петербургѣ Его Высокородіе Алексѣй Аѳанасьевичъ Дьяковъ.
- — Его Высокородіе Николай Александровичъ Лѣвовъ.
- — Его Превосходительство Гаврило Романовичъ Державинъ,
- — Его Высокоблагородіе Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ.
- — Его Благородіе Петръ Ивановичъ Ивановской.
- Въ Симбирскѣ Его Высокородіе Александръ Федоровичъ Голубцовъ.

- ВЪ Симбирскъ Его Высокоблагородіе
Иванъ Дмитріевичъ Араксинъ.
— Его Высокоблагородіе Семенъ Вла-
димировичъ Аржевитиновъ.
— Его Высокоблагородіе Александръ
Федоровичъ Ермоловъ.
— Его Благородіе Петръ Яковлевичъ
Норовъ.
— Его Высокоблагородіе Иванъ Ва-
сильевичъ Жадовской.
— Его Сіятельство Князь Петръ
Ивановичъ Бабичевъ.
— Его Благородіе Павелъ Петровичъ
Микулинъ.
— Ея Высокоблагородіе Надежда Ива-
новна Куроѣрова.
— Его Благородіе Андрей Васильевичъ
Бѣловъ.
— Его Высокоблагородіе Василий Ни-
колаевичъ Самаринъ.
— Его Высокородіе Иванъ Ивановичъ
Нагадкинъ.
— Его Высокоблагородіе Иванъ Ва-
сильевичъ Колебакинъ.
- ВЪ Сызранѣ Его Высокоблагородіе
Иванъ Гавrilovichъ Дмитріевъ.

- ВЪ Сызранѣ Его Высокоблагородіе Василий Борисович Беспужевъ.
- Ея Благородіе Мареа Михайловна Карамзина.
- ВЪ Тулѣ Его Высокородіе Николай Иванович Вельяминовъ.
- Его Высокоблагородіе Михайло Борисовичъ Загряской.
- Его Высокоблагородіе Петръ Алексѣевичъ Верещагинъ.
- Его Высокоблагородіе Михайло Васильевичъ Хомяковъ.
- Его Благородіе Иванъ Васильевичъ Хомяковъ.
- Его Высокоблагородіе Александръ Дмитріевичъ Хрущовъ.
- Его Высокоблагородіе Степанъ Ивановичъ Вельяминовъ.
- ВЪ Орлѣ Его Превосходительство Семенъ Александровичъ Неплюевъ.
- Его Высокоблагородіе Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ.
- Его Высокоблагородіе Николай Михайловичъ Мацневъ.
- Его Высокоблагородіе Николай Ивановичъ Шеншинъ.

- ВЪ Орлѣ Его Высокородіе Степанъ
Андреевичъ Зиновьевъ.
- Павелъ Дмитріевичъ
Волжинской.
- Его Высокоблагородіе Андрей Ива-
новичъ Пропасовъ.
- ВЪ Калугѣ Его Высокоблагородіе Александъръ Никитичъ Шемякинъ.
- Его Высокоблагородіе Николай Михайловичъ Щербачевъ.
- Его Высокоблагородіе Николай Александровичъ Небольсинъ.
- Его Высокоблагородіе Антонъ Ивановичъ Мадневъ.
- Его Высокоблагородіе Александръ Ивановичъ Турубаевъ.
- Его Высокоблагородіе Аѳанасій Ивановичъ Бунинъ.
- Его Высокоблагородіе Петръ Николаевичъ Юшковъ.
- Его Превосходительство Александръ Борисовичъ Палицынъ.
-

СОДЕРЖАНИЕ.

Новой Годъ.	-	-	137
Выздоровленіе.	-	-	146
Счѣпъ поцѣлуевъ.	-	-	148
Осель и лира.	-	-	151
Письма Руск. Путешественника.		-	152
Чудной сонъ.	-	-	194
Сила воображенія.	-	-	202
Анекдоты.	-	-	204
Парижскіе спектакли.		-	207
Московской Театръ.		-	223
О Книгахъ.	-	-	236
— иностранныхъ Книгахъ.		-	248

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	стр.		Напечат.		Чит.	
148	-	15	-	извѣжество	-	невѣжество
155	-	12	-	залигаемъ	-	излегаемъ
178	-	25	-	побробуемъ	-	попробуемъ

卷之三

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ она-
го стоитъ въ Москве пять руб.
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будеши изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щашъ при томъ свой адресъ, над-
писавъ: Въ Университетскую книж-
ную лавку, въ Москвѣ; и въ пр
комъ случаѣ ручаешься за вѣрн
доставленіе Журнала.